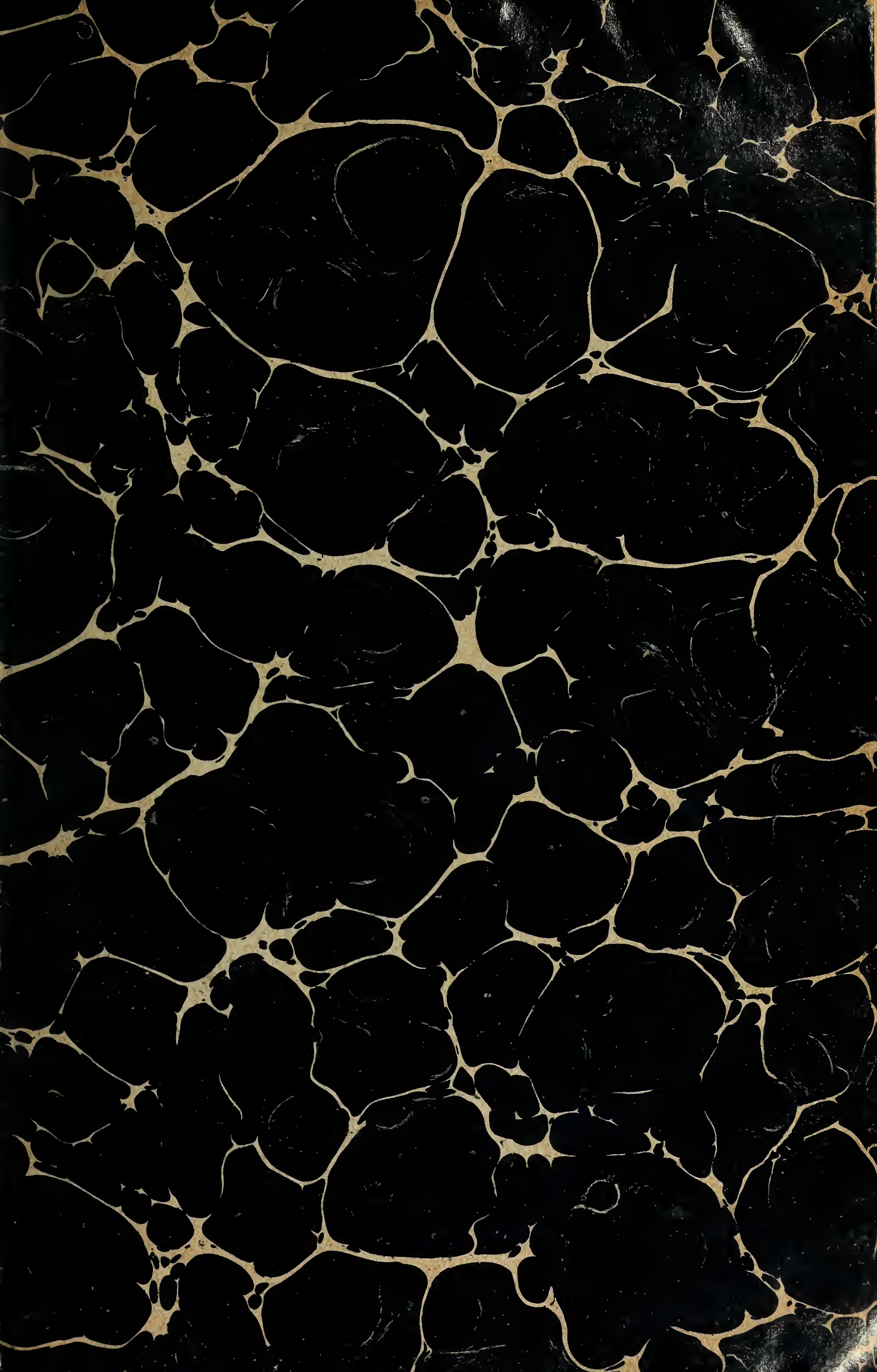
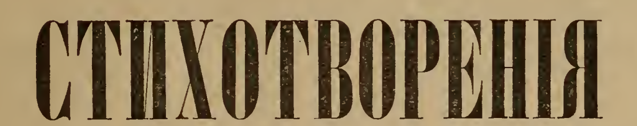

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ДЕ-ВИТТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 33-й)
1872

СТИХОТВОРЕНІЯ.

De-Vitt, Nikolai

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ДЕ-ВИТТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1872

Августѣйшему имени

Его Величества

Государя Императора

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

вѣрноподданнѣйшій

Николай Де-Виттъ.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Тебѣ, Царю и человѣку,
Дерзаю гимнъ хвалебный пѣть,
Послушна лира моя вѣку,
И жаждетъ струнами гремѣть.
Легко, отрадно пѣснопѣнье,
Глубокій стихъ течетъ рѣкой,
Когда живое отраженье,
Какъ эхо, говоритъ со мной:
Я чувствую и чуткимъ ухомъ
Народный голосъ слышу я,
Кто одаренъ священнымъ слухомъ,
Тотъ только и пойметъ меня.
Пою хвалу и сердцемъ знаю,
Что пѣснѣ внемлятъ всѣ моей,

Тебя пою и величаю,
Создатель русской жизни дней!
И пѣснь моя вездѣ, гдѣ моремъ
Пространство русское лежитъ,
Гдѣ человѣкъ спознался съ горемъ —
Вездѣ въ сердцахъ она звучитъ.
Пройдетъ пол-вѣка, пѣсню эту,
Найдя въ изорванномъ листкѣ,
Съ молитвой рядомъ, въ знакъ привѣта,
Повѣситъ русскій въ уголкѣ.
Гдѣ имя слуха лишь коснется,
Иль взглянутъ на Твое чело,
Невольно каждый встрепенется
И станетъ на сердцѣ тепло.
Вся Русь Твоимъ велѣньямъ внемлетъ:
Ты создалъ новый ей нарядъ,
И что воскресло и не дремлетъ
Твоихъ предначертаній рядъ.
Ты далъ зерно, Ты сѣялъ жито
На пажитяхъ родной земли,
Тебѣ и житницы открыты
И славѣ Царь своей внемли!

Ты скорбь народную услышалъ
И крестъ его Ты съ плечъ свалилъ,
Свое могущество возвысилъ
И Русь молиться научилъ;
Ты далъ надежду, въ ней опору,
Стальной Ты посохъ ей сковалъ
И ложь укрылась въ свою нору,
Надъ ней лучъ правды просіялъ.
И все, что жило униженно,
Безъ воли, права и суда,
Тобою къ жизни возрожденно:
Ты создалъ судъ и цѣль труда.
Въ убогой хижинѣ далекой,
Гдѣ знакъ рубили топоромъ,
И тамъ поймутъ Твой умъ глубокій,
Гдѣ пахарь сталъ владѣть перомъ.
Прости мнѣ, Царь, прости мнѣ пѣнье,
Ты слезъ моихъ не видишь самъ,
Но какъ источникъ вдохновенья —
Внемли Ты русскаго словамъ.
Что создалъ Ты еще не время
Съ святою точностью судить,

И новое настанетъ племя
Царя потщится оцѣнить.
Величья памятникъ готовый
Въ сердцахъ сооруженъ давно,
Ему о славѣ вѣчно новой
Вѣщать потомству суждено.
И не изсякнетъ слѣдъ дѣяній
Премудрой благости Твоей,
Умѣлъ ты цѣпи снять страданій
И царству вольныхъ далъ людей!..

Петербургъ, 1871 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Все, что имѣетъ отпечатокъ блеска, все, что щеголяетъ красотою внѣшности, все стремится на показъ; все гордо носитъ голову. Въ періодъ нѣжнаго дѣтства, я росъ въ роскоши; но поставленный судьбою въ среду простоты и лишеній, жизнь указала мнѣ другой міръ — міръ чувствъ, и я по мѣрѣ силъ старался себѣ его присвоить; имѣя предъ собою сравненіе, я понялъ всю цѣну, всю важность не отступать отъ истинной цѣли и воззрѣнія моего на жизнь. Питомецъ казенныхъ заведеній, живя въ стѣнахъ корпуса болѣе, чѣмъ подъ домашнею кровлею, я съ глубокимъ чувствомъ уваженія храню воспоминаніе о Пажескомъ Двора Его Императорскаго Величества корпусѣ, въ которомъ

пробылъ болѣе пяти лѣтъ. Строгое и благородное обращеніе въ немъ не убило способностей чувствовать. Да проститъ же мнѣ общественное мнѣніе, что я не имѣя значенія и достоинствъ автора, осмѣлился поднять голову, съ благоговѣніемъ преклоняя ее предъ моимъ Государемъ. Посвящая свой слабый трудъ и повергая оный къ ногамъ Его Величества, я только выразилъ вѣрноподданническія чувства свои предъ Отцемъ народа и Августѣйшимъ покровителемъ воспитанія.

НИКОЛАЙ ДЕ-ВИТТЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЖИДАНІЕ.

Посв. А. М. Рылѣеву.

Мнѣ страшно, моему волненью
Я дать отчета не могу,
Преградъ не нахожу смущенью,
И приговоръ тревожно жду.
Но мысль, какъ твердая опора,
Одна защитница вездѣ —
Не покидая строгость взора,
Даетъ лишь смѣлость только мнѣ:
Я думаю: мы всѣ за счастье
Царю считаемъ угодить,
Приблизиться стремимся къ власти,
Главу предъ нею преклонить.
Въ народѣ русскомъ безъ разбора
Величіе Царя поютъ,
И всѣ восторги слиты въ хорѣ —
Ему всѣ почесть воздаютъ.
По лѣстницѣ заслугъ ступая,
Кто ближе, дальше отъ Царя,
Но мѣстъ своихъ не уступая

И пламенемъ однимъ горя.
И соблюдая долгъ священный,
Идемъ всѣ къ цѣли, какъ одинъ,
И этимъ чувствомъ вдохновенный
Живетъ лишь русскій гражданинъ.
Инымъ заслуги, счастья доля
Даютъ приблизиться къ Царю,
И въ этомъ не дана намъ воля —
Глазами рока я смотрю.
Въ заслуги вѣря, не дерзаю
Стоять съ другими наравнѣ,
Заслугъ я за собой не знаю —
Одна любовь живетъ во мнѣ.
И этотъ даръ всегда съ восторгомъ
Я отъ души всѣмъ раздаю,
Несу въ семью свою безъ торга,
И съ нимъ у трона я стою.
Нигдѣ любовь не презираютъ,
Ея дарами всѣ живутъ,
И на престолѣ величаютъ,
И въ хижину ее зовутъ.
И Царь услышитъ пѣснопѣнье,
Проститъ незвучность моихъ словъ,
И милосерднѣйшимъ воззрѣньемъ
Онъ не наложитъ мнѣ оковъ.
Ты мнѣ посредникомъ явился,
Во мнѣ надежду воскресилъ,
И духъ невольно пробудился,
Когда ты самъ мнѣ объявилъ,
Что Царь, щедротами обильный,

Лица отъ насъ не отвратитъ,
Любовью къ подданнымъ всесильный,
Онъ трудъ мой ласково узритъ.
При этой мысли, упованье
Мгновенно заслоняетъ страхъ,
И сердце полно ликованья,
Пылаетъ стихъ въ моихъ устахъ!

Петергофъ, 20-го декабря 1871 г.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Часто я ходилъ косить
Недалеко по лугамъ,
Весело мнѣ было жить
И бродить все по полямъ.
Отточу, бывало, косу
И пойду по всѣмъ по тремъ,
Косишь всюду и безъ спросу —
Такъ все день мой шелъ за днемъ.
Поработаешь въ часъ добрый
И домой потомъ придешь,
Съ тихой думой, беззаботно,
Сладко дома отдохнешь.
Такъ ходилъ всегда прилежно
Травку свѣжую косить,
А кусты цвѣточковъ нѣжныхъ
Все старался обходить:
Не хотѣлъ цвѣты напрасно
Я косой своей срѣзать:
Пусть цвѣтутъ себѣ прекрасно,
И боялся ихъ срывать.
Но, однажды, выйдя въ поле

Недалеко я съ косой,
Вижу чудный цвѣтъ на волѣ,
Средь цвѣтовъ и межъ травой.
Приманилъ мои онъ взоры,
Долго на него смотрѣлъ,
Позабылъ я уговоры
И цвѣтокъ скосить хотѣлъ.
Думаю: зачѣмъ прекрасный.
Ты роскошно здѣсь цвѣтешь.
Въ день холодный и ненастный
Ты завянешь, пропадешь,
Или грубою рукою
Кто-нибудь тебя сорветъ,
Иль затопчетъ подъ ногою,
Красоты не разберетъ.
Я же нѣжною заботой
Окружу тебя, цвѣтокъ,
И лелѣять я съ охотой
Буду каждый лепестокъ.
Такъ задумался, невольно
Косу съ плечъ своихъ спустилъ.
Съ нетерпѣньемъ и проворно
Косу острую точилъ.
Мнѣ хотѣлось, чтобъ скорѣе,
И не мучая цвѣтовъ,
Крѣпче, ловче и сильнѣе
Зацѣпить подъ корешокъ.
Твердо взялъ я косу въ руки,
Размахнулся сильно вдругъ,
Думалъ разомъ кончу муки

И спадетъ съ души недугъ.
Что̀ же слышу — звукъ раздался,
Будто кто-то завизжалъ,
Я съ косою зашатался
И съ досады задрожалъ:
Не цвѣтокъ съ землей, съ травою,
Какъ я думалъ, я скосилъ,
Нѣтъ, я острою косою
Вдругъ за камень зацѣпилъ.
Съ сожалѣньемъ удивился,
Какъ такой прекрасный цвѣтъ
Въ почвѣ каменной родился;
Вѣрно, въ немъ и жизни нѣтъ.
И печаленъ и съ тоскою
Дома я теперь сижу,
И невольно со слезою
На косу свою гляжу:
Острый кончикъ подломился,
И зубцы вдоль всей косы —
Да̀, косарь, и ты смутился,
Не коси впередъ цвѣты.

1855 г.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Люблю тебя, слова пустыя,
Безсмысленныя для другихъ,
А для меня они живыя —
Вся жизнь моя сокрыта въ нихъ.
Люблю тебя и поневолѣ
Одно и то же говорю,
И замолчать въ моей ли волѣ,
Когда я на тебя смотрю.
Люблю тебя, но мнѣ обидно,
Что я одинъ про то твержу,
Хотя терпѣть насмѣшку стыдно,
Но все-жь люблю, тебѣ скажу.

1861 г.

НЕЛЛИ.

Посв. кн. Н. П. М.

Поэтъ, любовью вдохновенный,
Своихъ красавицъ ты воспѣлъ,
Но, помнишь, въ юности влюбленный,
Съ какой ты нѣжностью смотрѣлъ
На образъ милой Граціэлли?
Въ ней отразился свѣтъ души,
Въ ней истиной глаза горѣли
И были дивно хороши;
Въ ней, помнишь, не было кокетства,
Искусства нравиться, манить,
Она одна лишь знала средство
Къ себѣ привлечь — тебя любить.
Прекрасный образъ Граціэлли
Я всей мечтой своей любилъ,
Но взоръ прекрасный милой Нелли
Во мнѣ всѣ чувства измѣнилъ.

Что̀ всѐ, поэтъ, красоты міра,
Которыя ты воспѣвалъ?
Моя одна священна лира —
Ты чудной Нелли не видалъ!

1855 г.

—‹‹›—

МОЛИТВА.

Боже! молиться меня научи,
Крестъ утѣшенья, Ты волей святою,
Благостью мудрой рабу ниспошли.
Съ вѣрою чистой и теплой душею,
Боже великій, Тебѣ предаюсь;
Душу свою я Тебѣ открываю,
Призри, Великій, Тебѣ я молюсь.
Призри, о Боже, я рабъ, я не знаю —
Казнь испытанье отъ бѣдъ исцѣленье,
Волей святою Ты мнѣ назначай,
Почести славныя, иль униженья,
Боже, Ты знаешь! Ты все мнѣ воздай.
Силы мнѣ нѣтъ отъ тебя отступиться,
Боже, я рабъ Твой, Тебя не стыжусь.
Дай же мнѣ силу умѣть, какъ молиться,
Съ этой молитвой къ Тебѣ возношусь.

ПОСВ. С. П. Г.

Пойте природу, ея красоту,
Въ ней вы поймете величіе Бога,
Пѣснь услаждаетъ нашъ умъ и мечту,
Съ пѣсней какъ-будто намъ легче немного.
Пойте величіе царствъ и царей,
Въ даръ приносите свое пѣснопѣнье.
Пойте заслуги великихъ людей,
Къ нимъ возбуждайте любовь, уваженье;
Съ жаромъ я съ вами восторгъ свой солью —
Дайте мнѣ время вздохнуть отъ волненья;
Подвиги, славу и честь я люблю,
Къ нимъ не умолкнетъ мое пѣснопѣнье.
Что же мнѣ дѣлать, я счастья не ждалъ —
Вдругъ мнѣ красавицы образъ явился,
Въ немъ оживился мечты идеалъ,
Взоръ съ восхищеньемъ къ нему обратился
Рабъ я невольно теперь и слуга,
Долгъ свой исполнить стремлюсь я со рвеньемъ,
Образъ ея, а его красота —
Вмигъ овладѣли моимъ вдохновеньемъ.
Чудно, отрадно душѣ дать просторъ,

Чувствамъ всю силу, сердцу всю жадность,
Вѣрить себѣ лишь и свой приговоръ
Выше всѣхъ ставить, лаская тѣмъ младость.
Чувствомъ восторга горю, какъ огнемъ:
О! какъ силенъ мой порывъ восхищенья!
Молодость, молодость, сильнымъ ключемъ
Бьешься ты въ сердцѣ въ сей мигъ увлеченья.
Все ея образъ, вездѣ предо мной —
Дивный, какъ ангелъ, онъ будетъ являться;
Счастливъ, доволенъ теперь я судьбой,
Чувствуя силу ему поклоняться.
О, какъ мила ты, краса на землѣ,
Сильно ты умъ нашъ и сердце чаруешь,
Все безъ тебя, какъ бы дремлетъ во мглѣ,
Жизнь намъ и свѣтъ ты, какъ солнце, даруешь!
Міръ нашъ корыстенъ, онъ золъ и жестокъ,
Но предъ красою онъ все забываетъ,
Вѣчно казалось любить бы онъ могъ —
Боже, зачѣмъ-же краса увядаетъ!

1855 г.

НЕЛЛИ.

Посв. кн. Н. П. М.

Ты мила мнѣ и священна,
И тобой полна душа,
И любовь къ тебѣ смиренна
Въ сердцѣ юнаго пѣвца.
Въ твоихъ взорахъ столько чувства,
Столько женской красоты,
И въ улыбкѣ, безъ искусства,
Столько дѣтской простоты.
Съ чѣмъ сравнить тебя, о, Нелли!
Съ солнцемъ, звѣздами, луной?
Ужь объ этомъ много пѣли,
Увлекаясь красотой;
Лишь скажу одно я слово —
Проще вычурныхъ рѣчей,
Все предъ Нелли ужь не ново
И сравненій нѣтъ для ней.

1855 г.

ГРОШЪ.

Нищій съ сумою сидя у дороги,
Робко войдя-ли во дворъ богача,
Меньше онъ чувствуетъ въ сердцѣ тревоги,
Меньше взволнованъ тоскою, чѣмъ я.
Съ грустью протянетъ онъ бѣдную руку,
Ради Христа всѣхъ попроситъ кругомъ,
Всякій кладетъ ему въ ветхую сумку;
Грошъ упадетъ и утѣшится онъ.
Тихо, довольный, съ двора онъ уходитъ,
Дальше къ сторонкѣ садится, потомъ
Скудной казнѣ своей счетецъ онъ сводитъ,
Хлѣба поѣстъ и забудется сномъ.
Счастливъ и нищій, а я безнадеженъ...
Такъ же, какъ онъ, я просилъ, умолялъ,
Въ просьбѣ своей я былъ слишкомъ прилеженъ.
Что-же? увы! мнѣ и грошъ не упалъ.
Плакать хотѣлось, но слезы сжимались,
Грустно мнѣ было, и не было силъ,
Видѣлъ, что прямо въ глаза мнѣ смѣялись,
Совѣстно было, а я все просилъ;

Нищій, убогій, не смѣйтесь надо мною,
Этотъ я грошъ не для хлѣба просилъ —
Милость въ любви ожидалъ я съ тоскою,
Этотъ мнѣ грошъ слишкомъ дорогъ и милъ.

1855 г.

ПУТНИКЪ.

Чтò же вѣтеръ, чтò холодный
Дуешь въ грудь ты мнѣ,
Я не знаю, какъ бездомный
Съёжиться въ плащѣ.
Свой порывъ сырой, суровый,
Измѣни скорѣй,
И задуй струею новой,
Теплотой согрѣй.
Я тогда свой плащъ открою,
Съ радостью вздохну,
Какъ пахнешь ты мнѣ весною,
Вмигъ я оживу.
Полные глаза слезою
Вытру я платкомъ,
Перестань стращать зимою
И повѣй тепломъ.

1855 г.

ГОЛОСЪ ТАЙНЫЙ.

Какой-то голосъ, голосъ тайный,
Послѣдней-ли надежды стонъ,
Меня зоветъ во храмъ желанный,
Какъ въ отдаленьи слабый звонъ.
Какъ утопающій солому
Хватаетъ трепетной рукой,
Такъ я прислушиваюсь къ стону
Всей силой сердца и душой.
Но если этотъ голосъ тайный
Отъ сердца ты мнѣ подаешь,
Скажи, что не обманъ случайный,
А это ты меня зовешь.
И какъ бы ни было далеко,
Откуда голосъ твой зоветъ,
Явлюсь къ тебѣ въ мгновенье ока —
Душа у ногъ твоихъ вздохнетъ.
Но если нѣтъ, пусть голосъ тайный
Мечтой обманчивой звучитъ:
Какъ гость любимый, давно жданный —
Пусть мнѣ онъ сердце веселитъ.

1855 г.

НОВОБРАЧНЫМЪ.

Откликнись ты сердце слезой восхищенья,
Чудесной любви здѣсь союзъ предъ тобой,
Къ нему обрати свой восторгъ пѣснопѣнья
И радуйся счастью четы молодой.

*
* *

Тебѣ-ль не понятно, о сердце младое,
Прекрасное чувство высокой любви;
Любуйся — ты видишь здѣсь счастье земное,
Восторгъ непритворный и лучшіе дни!

*
* *

Невольно исчезнутъ минуты сомнѣнья,
Повѣришь, что жизнь намъ на радость дана,
И нѣтъ, не изсякнетъ слеза восхищенья,
При видѣ, какъ чувствомъ душа ихъ полна.

*
* *

Откликнись же сердце, опять повторяю,
И въ кубокъ заздравный слезу урони,
Скажи, что имъ вѣчнаго счастья желаю
И вмѣстѣ печально скажи ей: прости!

1855 г.

СИРОТА.

Посв. Е. П. С.

Сирота ты моя,
Ты мила для меня,
Дà, повѣрь, говорю не напрасно.
И зачѣмъ же мнѣ лгать,
Позволь правду сказать,
И повѣрь, все скажу безпристрастно.
Знай всю истину ты,
Знай всѣ чувства мои,
Можетъ, въ нихъ не найдешь ты измѣны.
И повѣрь, все скажу,
Чтò въ тебѣ нахожу —
Чувства будутъ мои откровенны.
Всякій разъ, что смотрю,
Я въ тебѣ узнаю,
Будто холодъ владѣетъ тобою.
И печально тогда
Моя льется душа,
И сижу я, поникнувъ главою.

Знаю, нѣтъ у тебя
Того свѣтлаго дня,
Какъ у тѣхъ, у кого есть родные,
Можетъ, съ грустью прошли
Дѣтства нѣжные дни,
Породивъ въ тебѣ чувства другія.
Но гдѣ жь юности жаръ?
Гдѣ же чувствъ нѣжныхъ даръ,
Что̀ въ удѣлъ не родные намъ дали?
Гдѣ же пылкая кровь?
Гдѣ же вѣра въ любовь?
О чемъ всѣ мы съ восторгомъ мечтали.
Изъ твоихъ слышалъ устъ
Разговоръ твой безъ чувствъ —
Ты любовь нашу мѣрила златомъ.
Кто жь вселилъ въ тебя ядъ,
Что любить тебя радъ
Только тотъ, кто быть хочетъ богатымъ?
Иль тебѣ красота
Для кокетства дана?
Для того, чтобъ смѣяться, не вѣрить?
Кто же мысль ту внушилъ?
Кто тебѣ измѣнилъ,
Научая все золотомъ мѣрить?
Знай же ты, сирота,
Что тебѣ красота
Не дана для пустаго искусства,
А за тѣмъ, чтобъ тебя,
Полюбить больше дня
И согрѣть въ тебѣ нѣжныя чувства.

Будь же краше душой,
Чѣмъ своей красотой,
И не смѣйся надъ нѣжной слезою;
Кто тебя полюбилъ,
Тотъ о златѣ забылъ;
Полюби же и ты всей душою!

1855 г.

КЪ ДРУГУ.

Посв. К. Я. Т.

Четыре мнѣ минуло года,
Какъ мать у меня умерла,
Судьбы съ той поры непогода
Меня у воротъ стерегла...
Но вотъ ты явилась случайно,
Какъ ангелъ меня охранять,
Вдохнула мнѣ нѣжно, отрадно,
Чтобъ я перестал унывать,
И ласки лучемъ озаренный,
Ребенокъ, воскресъ я опять:
Участьемъ твоимъ оживленный,
Свободнѣй я началъ дышать.
Когда жь перестал быть дитею,
И началъ я жизнь понимать,
Казалась ты мнѣ не земною,
Я цѣны не могъ тебѣ дать:
Ты вспомнишь, быть можетъ, невольно,
И тотчасъ меня ты поймешь,
А мнѣ говорить такъ привольно

О томъ, въ чемъ хвалу ты прочтешь
Твой домъ, я о томъ не забуду,
Былъ кровлею также и мнѣ,
Привѣтъ и участье повсюду —
Мнѣ все было въ немъ по душѣ.
Но вдругъ...
И я въ немъ казался чужимъ,
Но ты другомъ вѣрнымъ осталась,
Защитницей доброй, живой,
И въ этотъ ты мигъ мнѣ казалась
Прелестной, какъ ангелъ земной;
Повѣрь, съ той поры сердце бьется
Признаніемъ чистымъ, живымъ,
Хвалою душа къ тебѣ льется,
Какъ гимнъ передъ ликомъ святымъ.
Никто мнѣ живѣе участья
Не выразилъ здѣсь, на землѣ,
Господь да пошлетъ тебѣ счастье
И миръ твоей доброй семьѣ.
Прими отъ меня, другъ прекрасный,
Привѣтъ мой сердечный, родной,
Прощай, и опять въ день ненастный
Согрѣй меня дружбой святой.

1855 г.

* * *

Что̀ призадумался парень лихой?
Что̀ изъ избы ты совсѣмъ не выходишь?
Слышишь, идетъ хороводъ тамъ живой —
Что̀ ты глядѣть на свѣтъ Божій не хочешь?
Полно кручиниться, злу не помочь,
На, братецъ, шапку, посмотримъ на праздникъ.
Эхъ, призадумался, теменъ, какъ ночь.
Вспомни, какой, Ваня, ты былъ проказникъ.
Иль тебѣ больше не любо село?
Нѣтъ ни молодки, ни дѣвицы красной —
Что̀ же въ тоску тебя такъ привело?
Эхъ, братецъ, молодецъ, сталъ ты не ясный!
Ужь не любить ли ты въ самъ-дѣль захотѣлъ?
Брось, братъ, повѣрь мнѣ, охъ, брось поскорѣе,
Вспомни Сережу, ужь какъ я жалѣлъ —
Сгинулъ, а былъ онъ насъ всѣхъ веселѣе.
Что̀ же молчишь ты? что нѣмъ ты, аль глухъ?
Иль тебѣ слушать меня ужь досадно?
Рано, братъ, парень ты взоромъ потухъ —
Знать ужь красива, что любишь такъ жадно?

Богъ съ тобой, Ваня, коль любишь, люби,
Я не хочу тебѣ въ томъ поперечить.
Всѣ чернобровыя — всѣ хороши, —
Сгинулъ Сережа, хотѣлъ я замѣтить.

1855 г.

УЗНИКЪ.

Не понялъ я взглядъ твой съ участьемъ,
Который ты бросила мнѣ;
Прости, я испуганъ несчастьемъ —
Сижу я давно ужь въ тюрьмѣ.
Но взглядъ твой я тотчасъ замѣтилъ,
Какъ лучъ онъ тюрьму освѣтилъ,
Но робко ему я отвѣтилъ
И въ сердцѣ его затаилъ.
И могъ ли я, узникъ несчастный,
Забытый въ тюрьмѣ гробовой,
Понять, что открылся путь ясный
Мнѣ къ счастью и жизни другой.
Прости, во мнѣ не было силы,
Въ надеждѣ я началъ слабѣть,
Потухли глаза и уныли
Отъ горя въ тюрьмѣ все сидѣть.
Но если тотъ взглядъ сожалѣнья
Отъ сердца ты бросила мнѣ,
Приди и спаси отъ мученья —
Мнѣ душно и грустно въ тюрьмѣ.

Явись ты опять съ тѣмъ же взоромъ,
Я жадно его буду ждать:
Пусть будетъ онъ мнѣ приговоромъ
Спастись и тебя обожать.

1855 г.

ПОСВ. В. Н. З.

Женщина милая,
Чувствами полная,
Прежде чѣмъ съ днемъ я прощусь —
Будешь ли сѣтовать,
Что побесѣдовать
Въ домъ твой мечтой возвращусь?
Сердцемъ взволнованный,
Словно прикованный,
Слушалъ съ восторгомъ тебя,
Какъ ты про бѣдную,
Богомъ хранимую,
Хижину пѣла вчера.
Чувства высокія,
Людямъ далекія,
Ты-бы могла возвратить.
Нѣжностью полная,
Духомъ покойная,
Можешь ты насъ примирить.
Счастливъ тотъ долею,
Кто твоей волею
Можетъ, какъ царь, управлять.

Счастливъ, кто баловать,
Миловать, жаловать,
Кто тебя можетъ ласкать.
Лентой жемчужною
Время досужное
Ты украшаешь тому.
Пой же, красавица,
Все измѣняется,
Ты-жь не измѣнишь ему.

1858 г.

ЖАЛЬ.

(съ малороссійскаго).

Какъ Божья настанетъ весна,
Какъ степь ужь начнетъ зеленѣть —
Какого не сыщешь цвѣтка,
Пріятно и сердцу смотрѣть.
Чебрецъ и барвинокъ ростетъ,
Ростутъ василечьки и рута,
Всѣ пахнутъ, но вдругъ пропадетъ
Межъ ними случайно отрута.
Есть Божья воля во всемъ;
Конечно, всему есть причина,
И въ свѣтѣ замѣтишь, что въ немъ,
Гдѣ радость, тамъ есть и кручина;
И точно, какъ взглянешь, тотчасъ
Замѣтишь, не всѣ здѣсь смѣются,
И больше такихъ среди насъ,
У коихъ лишь слезы все льются;
Но всякое горе-бѣда
Хоть въ сердцѣ змѣею гнѣздится,
Но все же пройдетъ, и тогда

Готовъ хоть опять веселиться.
Но нѣтъ въ жизни горя сильнѣй —
Чрезъ то и душой умираютъ —
Коль любишь всей жизнью своей,
Тебя же едва замѣчаютъ;
Когда, угнетенный тоской,
Горюешь, льешь слезы рѣкою,
Когда ты ждешь ласки живой,
А только лишь шутятъ тобою.

1858 г.

ХОХЛУШКА.

Ты шутишь, милая хохлушка,
Мнѣ не до шутокъ, я поэтъ!
Что̀ я сказалъ, была не шутка —
Я нарисую твой портретъ.
Когда за ужиномъ сидѣли:
Насъ было трое молодыхъ,
И всѣ мы пристально смотрѣли
На прелесть бѣлыхъ рукъ твоихъ.
И я шутилъ; но въ сердцѣ лира
Рѣзвилась такъ же, какъ дитя,
И что̀ ты скажешь?
Я кумира нашелъ въ тебѣ, и не шутя!
Да̀, я пою тебя, красотка,
И безъ горѣлки я горю,
Хохлушечка, душа молодка,
Вѣдь, я безъ лести говорю.
Какъ ты мила, когда головку
Склонишь на рученьку свою,
Я-бъ подарилъ тебѣ обновку
Изъ жемчуговъ и янтарю:
Когда откроешь свои глазки

И взглянешь бойко иногда —
Клянусь, не говорю я сказки —
Ты-бъ чародѣйкой быть могла!
Какъ ленточка, красиво губки,
Ко щечкамъ бѣленькимъ пришлись,
И твои маленькіе зубки,
Какъ перлы, змѣйкой обвились.
А что̀, скажи, иль не умѣю
Я похвалить твою красу?
Скажи мнѣ лучше, что не смѣю,
Позволишь — къ небу вознесу!
Зачѣмъ въ Украйну я примчался,
Хохлушечка, рѣши вопросъ;
Зачѣмъ съ тобою повстрѣчался,
Зачѣмъ меня къ вамъ Богъ занесъ?

1858 г.

ТАТЬЯНА.

Ни поздній часъ и ни усталость
Не могутъ глазъ моихъ сомкнуть,
Не для того дана мнѣ младость —
Успѣемъ въ старость отдохнуть.
Готовъ всю ночь сидѣть безсонный,
Чтобъ сонъ коварный не укралъ
Татьяны образъ безподобный,
Который всѣхъ очаровалъ.
Прекрасный Днѣпръ еще пышнѣе
Казался мнѣ своей красой,
Когда увидѣлъ я, робѣя,
Татьяны образъ молодой.
Не дальше, какъ вчера, въ народѣ
Случилось ей лишь промелькнуть,
И скажешь, право, поневолѣ:
Не одному пришлось вздохнуть!
Красивой шапочкой головку
Татьяна мило убрала,
И свою косыньку, плутовка,
На диво свѣту подвила:
Свою хорошенькую шейку,

Хохлушка, въ жемчугъ всю вплела,
Подруга нѣжная злодѣйку
Въ тотъ мигъ бы разлюбить могла;
Глаза, какъ звѣздочки, блестѣли
Подъ темнымъ бархатомъ рѣсницъ,
И разсмотрѣть мы всѣ успѣли
Привѣтъ къ ней общій добрыхъ лицъ.
Нарядъ цвѣтовъ живыхъ, красивыхъ,
Изящно станъ ей огибалъ,
И глазъ цѣнителей пытливыхъ
Съ цвѣтка къ цвѣтку перебѣгалъ.
Насъ всѣхъ красой своей чаруя,
На диво ты вчера пришла,
Повѣрь, Татьяна, что не лгу я —
Ты лучше всѣхъ подругъ была!

1858 г.

ПѢСНЬ БѢДНЯКА.

Какъ жениться мнѣ?
Какъ о томъ сказать,
Расхохочутся, распотѣшутся.
Пустъ карманъ, вѣдь, мой,
Голъ, какъ осень самъ,
Какъ отпалый листъ, кручусь по вѣтру.
Самому смѣшно,
Какъ живется мнѣ,
Что въ людяхъ еще и почетъ мнѣ есть.
Посмотрю вокругъ,
Подивлюся я,
Деньгамъ лишь однимъ все поклонъ да честь.
Какъ тутъ женишься?
Голова кругомъ,
Волоса дыбкомъ подымаются,
Страхъ беретъ меня,
Сердце ноетъ все;
Охъ, бѣда, сосѣдъ отобьетъ жену.
Кучей золота
Пуститъ пыль въ глаза,

Отуманятся очи черные,
Кудри черныя
Съ головы спадутъ,
Съ головы спадутъ и не выростутъ.

1855 г.

ДУМА.

Испорченъ, вѣрно, я ужь свѣтомъ,
Сомнѣніе волнуетъ грудь,
Иль въ жизни трудно быть поэтомъ
И оттого тяжелъ мой путь.
Смотрю вокругъ, какъ все прекрасно,
Какъ дивно все Господь создалъ,
Но для меня здѣсь все напрасно —
Какъ бы не въ свой я міръ попалъ.
Начну-ль ребенкомъ восхищаться,
Гляжу ребенокъ тотъ не мой,
А чтобъ своимъ мнѣ любоваться —
Нѣтъ, не придется чередой.
Смотрю ли я на женщинъ милыхъ —
Всѣ ужь назначены другимъ;
А днямъ младымъ и днямъ счастливымъ
Подругу встрѣчу ли своимъ?
О, деньги, деньги! Вы все это,
Вы заморозили людей,
Металломъ стиснули поэта
И нѣтъ для выхода дверей.

1852 г.

БАБУШКА И ВНУЧКА.

ВНУЧКА.

Что же ты, бабушка, что не грустишь со мной,
Умеръ Андрюша вчера.

БАБУШКА.

Полно, сердечная, полно, Христосъ съ тобой,
Знать ужь пришла вдругъ пора.
Мнѣ онъ не нравился, онъ былъ избалованъ,
Много такихъ ты найдешь —
Вотъ хоть сосѣдъ нашъ, царемъ онъ весь жалованъ,
Что̀ жь за него не пойдешь?

ВНУЧКА.

Милая бабушка, что жь толковать шутя,
Знать, ты не любишь меня.
Полно, меня, сироту, пожалѣй хотя,
И не гони отъ себя.
Мало-ли батюшка денегъ оставилъ намъ?

Мало-ль одеждъ въ сундукахъ?
Что жь въ богачѣ нашла? Можетъ, лишь стыдъ да срамъ
Будетъ звучать все въ ушахъ.
Ты же, припомни, всегда говорила мнѣ,
Какъ ты любила сама:
Спать не ложилась, бѣжалъ и покой во снѣ,
Мужа ждала безъ конца.
Что же и радости, что и весь бѣлый свѣтъ,
Если для злата все жить?
Что же въ богатствѣ, коль сердцу свободы нѣтъ
Крѣпко и сладко любить?
Вижу я, бабушка, вдругъ измѣнилась ты,
Злобно глядишь не шутя —
Значитъ мнѣ всѣ, сиротѣ, здѣсь чужія вы,
Всѣ здѣсь не любятъ меня.

БАБУШКА.

Охъ вы всѣ глупыя, дѣвичій умъ-то вашъ —
Ниткѣ въ немъ тѣсно, кажись.
А говорить, какъ возьметесь вы, что ужь нашъ —
Прочь ступай, на печь ложись.
Если бы знала ты, что такое денежка —
Бабку бъ бранить не могла:
Нѣтъ, вѣдь, не то, и только я въ сѣнички —
Чмокъ да чмокъ съ парнемъ пошла...
Вотъ и пришла бѣда; дѣвка сдурилася,
Голову вертитъ кругомъ:
Вѣрила бъ бабушкѣ, Богу бъ молилася,
Все бъ, какъ провесть утюгомъ!

ВНУЧКА.

Охъ болитъ сердце, и, право, какъ будто бы
Всю обдаешь ты смолой...
Старые люди, имъ точно все шутишь ты —
Былъ бы мѣшокъ золотой.
Нѣтъ, не смогу и прости, не послушаюсь
Силою замужъ идти,
Еслибъ ты знала, какъ плачу и мучаюсь —
Боже тебѣ все прости.
Лучше я въ рѣчкѣ пойду утоплю себя —
Злая мнѣ вышла судьба...
Дай мнѣ лампаду зажечь, помолюся я...
Нѣтъ, ты не любишь меня!

БАБУШКА.

Охти-хти! охъ ужь мнѣ, глупыя дѣвушки,
Тоже была молодой...
Ну, перестань, вонъ возьми тамъ вотъ свѣчушку,
Тамъ, за иконой святой,
Вмѣстѣ помолимся, Богъ не оставитъ насъ,
Онъ подкрѣпитъ и тебя;
Мать и Царица Небесная, горькій часъ,
Сжалься и прими на себя.

1858 г.

ПОСВ. Е. И. Д. В.

Позвольте вамъ сказать открыто,
Не оскорбляйтесь лишь словамъ.
Въ нихъ чувство доброе излито,
Въ нихъ нѣтъ хулы вашимъ мечтамъ.
Но прежде нежели разговоромъ
Я увлекусь, какъ иногда.
Прошу я дружнымъ уговоромъ
Спокойно выслушать меня:
Вы женщина и не безъ чувства,
Объ этомъ спора нѣтъ, клянусь:
Но есть въ словахъ вашихъ искусство,
Его я иногда боюсь.
За слово, часто безъ значенья,
Вы вспыхнете, хоть прочь бѣги.
И нѣтъ, повѣрьте мнѣ, спасенья.
Кричу: о Боже, помоги!
Быть можетъ, я не правъ бываю,
Согласенъ въ томъ ужь потому,
Что слишкомъ васъ я уважаю,
Чтобъ быть все правымъ одному.
Вы говорили, что святою

Любовью можно только жить,
И унеслись своей мечтою —
И я не могъ васъ уловить.

*
* *

Зарей прекрасной утро всходитъ,
Чудесно зыблется туманъ,
Вдали небесный лучъ выходитъ,
И робко свѣтитъ здѣсь и тамъ.
Вдругъ ярче, часъ ужь полуденный.
Вотъ ужь высоко солнца лучъ,
Раздвинулся туманъ студенный,
И воздухъ чистый тепелъ, жгучъ.
Мы вкругъ предметы видимъ ясно,
Роса игриво такъ блеститъ.
И все свѣтло и все прекрасно,
И все такъ жизнію горитъ —
Любви святой прекрасно утро,
Но неизбѣженъ такъ же день,
Такъ все создалъ Господь премудро —
Всему чередъ, всему ступень.
Я чту любви святой отраду,
Но не гашу иной я даръ,
Люблю я утренню прохладу,
Люблю и въ полдень сильный жаръ.
Чудесной утра красотою
Душа въ васъ нѣжная цвѣтетъ,
Напрасно ропщете съ тоскою,
Когда полудній жаръ взойдетъ.

Повѣрьте, право, всѣ мы тлѣнны,
Отъ хлада вянемъ, какъ цвѣты,
И страсти лучъ, какъ всей вселенной,
Намъ данъ, какъ солнечны лучи.

1858 г.

КОСТЕРЪ.

(съ малороссійскаго).

Цвѣты всѣ такъ пахнутъ на ясной зарѣ
И свистъ соловья долетаетъ,
У края дороги, одинъ, въ тишинѣ,
Забытый костеръ догораетъ.
Все курится дымъ, головѣшка лежитъ,
И мало-по-малу гдѣ тлѣетъ,
И пламя какъ будто бы вдругъ заблеститъ,
Какъ только лишь вѣтеръ повѣетъ.
Все пахнутъ цвѣты, уже день вечерѣлъ,
И свистъ соловья раздавался,
Забытый костеръ вотъ уже догоралъ.
Куда же огонь тотъ дѣвался?
И видишь, какъ только пахнетъ вѣтерокъ,
У края дороги сѣрѣетъ,
И пепла летитъ лишь одинъ порошокъ,
Костеръ уже больше не тлѣетъ.
Погасло ужь все, нѣтъ ни искры огня,
И пепелъ одинъ лишь валялся,
Ужели-жь не спросятъ, костеръ, про тебя?
Не вспомнятъ, что здѣсь ты остался?

На что жь бы забытый костеръ тотъ жалѣлъ,
Кто самъ же его здѣсь покинулъ!
Былъ нуженъ огонь, такъ костеръ и горѣлъ,
Ненуженъ — потухъ онъ и сгинулъ.
А въ пеплѣ отрады, вѣдь, нѣтъ никакой:
Пускай себѣ только сѣрѣетъ.
Пускай онъ лежитъ, пока сильной рукой
Его въ полѣ вѣтеръ развѣетъ.
А кто хоть и даромъ костеръ разводилъ,
Тотъ въ свѣтѣ спокойно здѣсь ходитъ;
Не первый костеръ вотъ ужь онъ позабылъ,
Забывъ и слѣда не находитъ.

1858 г.

НА ГРОБЪ

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I

Простились мы; Его ужь нѣтъ;
Свершился рокъ неумолимый,
Навѣки съ нимъ простился свѣтъ —
Оставилъ насъ монархъ любимый,
Осиротѣлъ нашъ русскій міръ;
Уснулъ сынъ правды, вѣры, славы,
И плачутъ всѣ сыны державы.
Ему-ль, казалось, суждено
Окончить жизнь свою такъ скоро?..
Сбылось, и все обречено
Въ тоскѣ тяжелой, безъ укора —
Ударъ жестокій перенесть.
И плачутъ всѣ, и всѣ рыдаютъ,
Горюютъ всѣ, и всѣ вознесть
Его въ мольбахъ своихъ желаютъ —
Къ Тебѣ, Великій, Сильный Богъ!
Чей промыселъ непостижимый,
Его отнять у насъ лишь могъ.
Предъ волею Твоей, незримый,

Творецъ небесъ и царствъ земныхъ,
Въ чьей власти все непостижимой
И участь грѣшныхъ и святыхъ
Предъ Твой Всевышній свѣтлый ликъ,
Оставя блескъ короны славный,
Услыша смерти грозный кликъ —
Предсталъ и Онъ самодержавный!
Прими его въ Твой дивный храмъ,
Онъ неусыпными трудами
Примѣромъ Руси былъ, сынамъ —
И высоко стоялъ надъ нами!
Молитву общую прими,
И въ тихомъ чувствѣ ликованья,
Укрась его на небѣ дни,
Среди достойнѣйшихъ избранья.
Пусть въ славѣ вѣчной онъ горитъ,
Гдѣ нѣтъ заботъ, нѣтъ испытаній,
И пусть чело его блеститъ
Отнынѣ чуждаго страданій.
Изъ вѣкъ во вѣкъ всегда великъ,
Какъ царь въ потомствѣ онъ пребудетъ
И всей Руси хвалебный кликъ
Могильный сонъ его разбудитъ.

1855 г.

* * *

Во власти силы роковой
Все насадить для жизни краткой,
Что ясно волѣ всесвятой,
То будетъ вѣчною загадкой.
Иду, какъ все, одной тропой,
Какъ все послушенъ силѣ тайной,
Погаснетъ жизнь своей чредой —
Исчезнетъ, какъ огонь случайный.
Но пусть любовь во мнѣ живетъ
Неугасимою звѣздою,
И къ сводамъ вѣчнымъ приведетъ
И тамъ уснетъ она со мною.

ПАМЯТИ НАПОЛЕОНА I.

Измѣной въ плѣнъ его вы взяли,
Коварство выждало свой путь,
Вѣка вѣковъ вы запятнали,
Вамъ стыдъ на лѣтопись взглянуть,
Какъ мщеньемъ чувства были горды,
Какъ холоденъ былъ гибкій умъ,
Какъ во враждѣ вы были тверды,
Какъ силенъ гнетъ былъ вашихъ думъ.
Клянусь, что сердце леденѣетъ,
И совѣсть прячетъ робкій взоръ,
Мыслитель съ грустію краснѣетъ,
Глядя на злобу и позоръ.
Его всѣ геніемъ назвали;
Но что же геній былъ для васъ,
Когда его вы затоптали
И ускорили смерти часъ.
Онъ плылъ и волны океана
Его хладили трупъ живой,
И лава слезъ жгла великана,
Терзая скрытою тоской.

Онъ былъ простымъ ужъ гражданиномъ,
Простой солдатъ, онъ былъ великъ,
Онъ вѣрнымъ былъ отчизнѣ сыномъ,
И шлетъ онъ ей послѣдній кликъ.
Кто можетъ выразить страданье,
Кто можетъ выразить ударъ —
Властитель царствъ и вдругъ безъ званья —
Людей вотъ благодарный даръ.
Онъ геній былъ и до кончины
Надежду онъ питалъ въ груди,
Въ бреду предсмертномъ звалъ дружины,
Чтобъ честь отечества спасти.
Ты спишь, великій, непробудно —
Но слава вѣетъ надъ тобой
Хвалебный гимнъ къ тебѣ нескудно,
Летитъ изъ Франціи родной.
И памятникъ дѣяній чудныхъ
Временъ не смоется рѣкой.

1858 г.

ПОСВ. КН. Н. Н. М.

Я тебя, ребенокъ милый,
Нѣжно такъ люблю,
Каждый день я съ новой силой
О тебѣ молю.

*
* *

Ты такъ спишь теперь спокойно,
А я вся въ слезахъ...
Кто же знаетъ, какъ мнѣ больно,
Кто пойметъ мой страхъ.

*
* *

Но не бойся я тихонько
Плачу надъ тобой;
Дай поправлю я легонько
Образочикъ твой.

*
* *

Ручку отнялъ торопливо,
Я всему виной:
Невзначай своей унылой
Обожгла слезой.

*
* *

Дай одѣну, спи, закройся,
Баюшки-баю,
Надъ тобой, дитя, не бойся,
Я всю ночь стою.

*
* *

Ты здоровъ, лишь все напрасно
Люди говорятъ;
Ты одѣнешься прекрасно
Завтра въ свой нарядъ

*
* *

Спи, дитя, они не знаютъ,
Имъ бы толковать;
Всѣ добра тебѣ желаютъ,
Но не такъ, какъ мать.

1855 г.

* * *

Прилечу соловьемъ,
Пропою подъ окномъ,
Про любовь про свою,
Милой дѣвицѣ.

* * *

Разскажу ей про все,
Какъ горитъ грудь, чело,
Что отдамъ волю всю
Раскрасавицѣ.

* * *

Можетъ быть, что она,
Услыхавъ изъ окна,
Броситъ зернышко мнѣ,
Улыбаючись.

* * *

Я зерно расклюю,
Въ немъ надежду найду,
Замолчу, самъ въ душѣ
Ухмыляючись.

*
* *

Все бы такъ, да бѣда —
Злая доля моя —
Объ одномъ мнѣ скорбѣть
Все приходится.

*
* *

Есть родные у ней,
У красотки моей,
Еслибъ вздумалъ я пѣть —
Вдругъ озлобятся.

*
* *

Поперегъ имъ пойдешь
Ни за грошъ пропадешь,
И бѣда тяжело...
Кто-жь отважится?

*
* *

Нѣтъ тамъ счастья ни въ чемъ,
Гдѣ родные крестомъ
Осѣнить намъ чело
Вдругъ откажутся.

*
* *

Что тогда мнѣ и съ ней,
Милой нѣжной моей,
Слезы крупнымъ дождемъ
По лицу пойдутъ.

*
* *

Всѣ осудятъ меня,
Упрекнетъ и она,
Злой тоской, какъ огнемъ,
Мою грудь сожгутъ.

*
* *

Замолчи соловей,
Улетай поскорѣй,
И лети лучше въ даль
Ты пустынную.

*
* *

На свободѣ тамъ пой,
Ты свободной душой,
Про печаль, про тоску
Заунывную.

1858 г.

ПОСВ. В. И. Э.

Я русскій потому, что русское мнѣ слово
Ласкаетъ слухъ и душу веселитъ,
Какъ гривна бѣдняка, какъ женщину обновка,
Рѣчь русская меня къ себѣ манитъ.
По русски ласково мнѣ сказанная шутка
И плачь и пѣснь на русскомъ языкѣ,
Словечко, присказка и прибаутка
Стучатся въ грудь, заслышанныя вдалекѣ.
Не русскій, можетъ быть, я по лицу и роду,
Но сердце сложено мнѣ русскою рукой,
И къ русскому прикованъ я народу
Млекомъ кормилицы, солдатомъ и женой.
1870 г.

ПОЭТУ.

Благодарю, поэтъ, за мнѣнье,
За критику благодарю,
Благодарю за снисхожденье
И слабо пѣснь свою пою.
Я не поэтъ и не писатель,
Во мнѣ и гордости той нѣтъ.
Красы, добра я обожатель,
Люблю людей, люблю весь свѣтъ.
Прости, что струны мои слабы,
Что въ нихъ неопытность звучитъ,
Но не ищу, повѣрь, я славы —
Пусть кто захочетъ, тотъ бранитъ.
Но кто любезно исправляетъ
Ошибки грубыя мои,
Тотъ душу мнѣ, повѣрь, ласкаетъ,
Какъ мои юныя мечты;
Поэтъ, извѣстенъ ты въ народѣ,
И слава ходитъ про тебя,
Благодарю, что на свободѣ,
Ты также вспомнилъ про меня.

Какъ младшій братъ, я съ уваженьемъ
Готовъ тебя всегда просить
Помочь иной разъ наставленьемъ:
Позволь душой тебя любить.

1858 г.

СОВѢТЪ.

Какъ, бѣдный, хочешь ты жениться?
И говоришь, что по любви?
Ты долженъ, другъ, остановиться
И бросить юныя мечты.
Вѣдь, у тебя нѣтъ ни копѣйки?
И у невѣсты денегъ нѣтъ?
Увы! въ холодной душегрѣйкѣ
Не милъ покажется ей свѣтъ.
Затѣялъ ты любить, вотъ славно!
Аркадію ты здѣсь нашелъ;
Какъ все, мой другъ, въ тебѣ забавно;
Откуда ты сюда пришелъ?
Прошло то время золотое;
Насталъ теперь другой ужь вѣкъ,
Въ чемъ чувство видишь ты святое,
Надъ тѣмъ смѣется человѣкъ.
И можешь ли сказать ты вѣрно,
И поручиться за себя,
Что твердымъ будешь ты примѣрно,
Любить все будешь, какъ дитя.
Сначала любимъ глазки, шейку,
Горитъ любовь, душа живетъ,

Но время скоро чародѣйку
Бездушнымъ холодомъ зальетъ,
Исчезнетъ слѣдъ былаго счастья,
Любви святаго торжества,
И участь горькаго ненастья
Замѣнитъ призракъ Божества.
Вѣдь, морщутся и наши чувства,
Какъ время старитъ всѣхъ людей;
Какъ на желудкѣ будетъ пусто —
Почувствуешь и тягость дней.
Дѣтей на зло большая куча;
Заботъ неистощимый рой
Повиснетъ надъ главой, какъ туча,
Что станется тогда съ тобой?
Ты совѣстливъ, терпѣть ты будешь,
Но много-ль силъ ты соберешь?
Подъ ношею себя погубишь,
Какъ подъ свинцомъ ты упадешь.
Захочешь встать, но силы мало,
Не будетъ время и вздохнуть,
Заботъ убійственное жало
Тебя уколетъ прямо въ грудь.
Угаснутъ молодыя силы,
Ты скроешься въ пустой толпѣ,
И всѣ, кто были тебѣ милы,
Приснятся только лишь во снѣ.
А если совѣсть ты забудешь,
Начнешь случайности искать,
Какъ малодушный ты поступишь
И всякій будетъ осуждать.

Такъ не женись, когда ты бѣденъ;
Терпи пока, люби шутя.
Я вижу ты, поэтъ, мой блѣденъ —
Не сѣтуй, другъ мой, на меня.

1858 г.

МАРГАРИТА И ГРАФЪ.

СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА.

«Надо на балъ мнѣ сегодня спѣшить —
Тамъ Маргариту найду.
Данному слову нельзя измѣнить,
Эй, осѣдлать мнѣ Джайду!»
Вмигъ осѣдлали лихого коня,
Землю ногою онъ бьетъ;
Графъ на сѣдло и Джайду, какъ стрѣла,
По полю графа несетъ.
День ужь склонился и звѣзды блестятъ,
Городъ виднѣлся вдали;
Мнится вдругъ графу, что свѣчи горятъ,
Что танцовать начали.
Мнится ему, что какъ-будто стрѣлой,
Какъ упоенный въ бою,
Носится юноша, пылкой душой,
Кружитъ онъ душу свою,
Шпоры вонзаетъ онъ въ ребра коня,
Ревностью дышетъ вся грудь,
Шпоры еще — конь лихой въ два прыжка
Рвется къ подъѣзду скакнуть.

Въ пѣну одѣтый, какъ въ саванъ, Джайду,
Вѣрный товарищъ и другъ,
Грустно усталый, повѣсилъ главу,
Глазъ обнаружилъ недугъ.
Графъ ужь пріѣхалъ, какъ соколъ влетѣлъ,
Черный свой усъ закрутилъ,
Съ тайнымъ волненьемъ вокругъ посмотрѣлъ,
Призракъ его возмутилъ.
Молча подходитъ къ своимъ онъ друзьямъ,
Искренно руки имъ жметъ,
Съ свѣтской улыбкой киваетъ гостямъ,
Взоромъ кого-то зоветъ.
Что̀ же вдругъ видитъ? вдали у окна
Юноша нѣжно глядитъ,
Возлѣ него и стройна и мила —
Тамъ Маргарита сидитъ.
Жаркій у нихъ разговоръ, видно, шелъ,
Графъ незамѣченнымъ былъ;
Съ грустью онъ тихо отъ нихъ отошелъ,
Ревность въ груди затаилъ.
Добрый старикъ, Маргариты отецъ,
Въ залѣ ходилъ одинокъ,
Графъ подошелъ, но горячій свинецъ
Грудь ему сильно все жегъ.
Гордый, тоску утаилъ отъ отца,
Сердце свое не открылъ;
Не измѣнялъ своего онъ лица
И о пустомъ говорилъ.
Залъ все горѣлъ и шумѣлъ разговоръ,
Танцы кипѣли вездѣ,

Музыки славный гремѣлъ звучный хоръ,
И разносился въ толпѣ.
Но Маргариты ужь не было тамъ,
Не было тамъ старика:
Полночь, предѣлъ всѣмъ веселья часамъ,
Старцу на отдыхъ пора.
Такъ пріучилъ онъ любимую дочь,
Нѣжно лаская ее:
«Лягъ отдохнуть», говоритъ «вѣдь, ужь ночь,
Здоровье дороже всего».
Утромъ, въ свѣтлицу онъ къ ней приходилъ
Съ нѣжностью слушалъ про все,
Въ ней откровенность всегда находилъ,
Вѣрилъ онъ чувствамъ ея.
Тихо спросилъ онъ про графа у ней —
Сердцемъ не графъ ужь владѣлъ —
Вмигъ охладился привѣтъ ихъ рѣчей,
И разговоръ леденѣлъ,
Скрыла невольно она отъ отца
Чувствъ сокровенныхъ борьбу,
Скрыла, что юношу любитъ она —
И не призналась ему.

1855 г.

ВЕСНА.

(съ малороссійскаго).

Расцвѣтаетъ ужь весна,
Кончились морозы,
Опушились дерева,
Распустились лозы;
Любо въ поле посмотрѣть —
Радость послѣ горя,
И къ намъ весело летѣть
Пташкамъ изъ-за моря.
Свѣтитъ солнце въ вышинѣ,
Все такъ согрѣваетъ,
И какъ взглянешь, сводъ вездѣ
Голубой сіяетъ...
Такъ все радостно, хотя
Думка и вѣщаетъ,
Что дубравы и лѣса
Осень раскачаетъ;
Но, вѣдь, осень далека,
Хоть и все завянетъ,
Снова явится весна,

Весело все станетъ.
Только я съ тоской смотрю
Нынѣшней весною...
Я одинъ не оживу
Сердцемъ и душою.
Разорвали мнѣ его
Крѣпко застонало,
Но людямъ не до того —
Скажутъ, чтобъ молчало.
Задохнулося слезой,
Плакать ужь не можетъ,
Только скрытою тоской
Будто его гложетъ.
Все цвѣтетъ, журчитъ вода,
Льется рѣчка логомъ,
Лишь дивлюся молча я
И думаю, съ Богомъ.
Мнѣ, знать, съ горемъ проживать,
Быть съ нимъ неразлучнымъ,
Какъ цвѣтамъ, не расцвѣтать
Думкамъ моимъ скучнымъ.
Только счастья, что мечтать:
Вотъ придутъ морозы,
Станетъ сердце замерзать
И застынутъ слезы...
Гдѣ же счастья тутъ найдешь
Поневолѣ скажешь:
«Кѣмъ родился, тѣмъ умрешь —
Съ горемъ вмѣстѣ ляжешь».
Такъ скажу же я судьбѣ:

Счастья мнѣ не надо,
Смерть стучится ужь ко мнѣ —
Въ ней моя отрада.
Только-бъ мнѣ ее узрѣть,
Сердце горе сбудетъ,
Тогда нечего жалѣть —
Будетъ то, что̀ будетъ.

1858 г.

ПИСЬМО.

Сегодня замѣтилъ — меня ты не любишь,
Забилась тревога въ груди молодой;
Но этимъ меня еще ты не погубишь —
Умѣю любить я любовью святой.
Быть можетъ, тебя я обидѣлъ словами,
Но сердцемъ обидѣть тебя я не могъ.
Твой образъ прекрасный всегда предъ очами,
Любви безпредѣльной свѣтильникъ зажегъ —
Но, нѣтъ! ни упрекъ мой, ни грусть и досада
Холодность твою не могли возбудить.
Ты любишь другаго, вотъ въ чемъ вся преграда,
Вотъ камень, гдѣ долженъ надежду разбить.
Люби его съ вѣрой, съ надеждой на счастье,
Пусть будетъ на вѣки онъ счастливъ съ тобой,
Но вспомни меня ты иной разъ съ участьемъ
За то, что любилъ я любовью святой.

1855 г.

*
* *

Кто мирно въ жизни насладился
Любовію семьи родной,
Кто съ пользою всегда трудился,
Для пользы жертвовалъ собой,
Кто былъ ученымъ, иль поэтомъ,
Со славою стяжалъ хвалу,
Кто правъ былъ совѣстью предъ свѣтомъ
Съ стыдомъ не наклонялъ главу,
Кто къ дружбѣ чувствовалъ стремленье,
Кто друга въ жизни встрѣтилъ разъ,
Кто зналъ, что значитъ уваженье,
Кто веселъ былъ душой хоть часъ,
Кто съ бѣднымъ ласково дѣлился,
Врагу кто руку протянулъ,
Кто отъ души хоть мигъ молился,
Кто разъ съ раскаяньемъ вздохнулъ,
Кто самъ любилъ, кого любили,
Кого встрѣчали со слезой,
Кого въ разлукѣ не забыли,
Пусть не бранитъ тотъ путь земной —

Для этихъ чувствъ мы здѣсь родимся,
За нихъ готовы умереть,
Для нихъ страдаемъ и трудимся,
О нихъ лишь будемъ сожалѣть!

1858 г.

ДУМА.

(съ малороссійскаго).

Какъ утро покроетъ цвѣточки росою,
Когда въ тростникѣ вѣтерокъ шелеститъ,
Прислушайся только, и вдругъ надъ водою
Услышишь, какъ-будто кто тайно звучитъ —
Не пѣснь соловья, вдругъ слетѣвшаго съ лозы,
Не чайки, поднявшись, услышишь, кричатъ,
Но въ пѣснѣ той слышутся радость и слезы,
Какія-то души какъ-будто манятъ.
А нѣтъ никого... все тростникъ только гнется,
Бѣлѣется макъ межъ зеленой травой,
И рой мотыльковъ надъ цвѣтами лишь вьется,
Мелькаетъ на солнцѣ ихъ цвѣтъ голубой.
Но пристально взглянешь и межъ стебельками,
Гдѣ тихо колышется ранній туманъ,
Какъ-будто кто смотритъ, какъ звѣзды очами,
Колебля свой гибкій и тоненькій станъ.
Вотъ дума, что душу намъ часто тревожитъ,
Заглянетъ-ли въ сердце, какъ въ рай унесетъ —
И долго пѣвецъ, пока пѣснь онъ не сложитъ,
Томится, грустить и тоска все гнететъ.

1858 г.

АМАЗОНКА.

ВОСПОМИНАНІЕ СТРѢЛЬНЫ.

Надъ брегомъ моря высоко и пышно,
И гордо красуется за̀мокъ большой;
Вокругъ его бури и вѣтра не слышно,
Лишь музыки хоръ раздается живой.
Какъ только лишь солнце спѣша уже къ склону
Надъ моремъ бросаетъ послѣдній свой лучъ,
Тогда амазонка изъ за̀мка къ балкону,
Выходитъ, какъ новое солнце изъ тучъ,
И поступью мѣрной подходитъ, садится,
Но вдругъ, прыгнувъ быстро на лошадь свою,
Заставитъ конюшенныхъ тотчасъ смутиться
И гнаться за ней и ловить, какъ мечту
Конь чудный своей амазонкой гордится,
Красиво и гордо идетъ и глядитъ,
По волѣ ея, какъ стрѣла вдругъ помчится,
По волѣ ея вдругъ спокойно стоитъ.
По парку, какъ будто бы соколъ крылатый,
Летитъ съ быстротой, амазонка сидитъ,
Какъ пальма стройна, конь весь въ пламя объятый
И скачетъ и рвется, на волю спѣшитъ...

Но солнце склонилось, тѣнь ночи упала,
Деревья густою задернулись мглой,
Одна амазонка лишь смѣло скакала
И все освѣщала своей красотой;
Еще разъ блеснула, какъ цѣпь золотая,
Еще ея шляпка мелькнула вдали,
Но скоро все смолкло, и свѣтъ разливая,
Горѣли и въ зàмкѣ и въ морѣ огни.

1859 г.

НАДЕЖДА.

Посв. А. К.

Вдругъ образъ юный, юнымъ взглядомъ
Меня отрадно вдохновилъ;
За часъ еще со мною рядомъ
Мятежный духъ, какъ тѣнь, ходилъ,
Я снова ожилъ новой силой,
Таю надежду глубоко;
Тотъ образъ нѣжный, образъ милый,
Вражду уноситъ далеко.
О, Боже, Боже! какъ постигнуть,
Что Ты въ удѣлъ мнѣ завѣщалъ?
Какъ въ тайну времени проникнуть,
Скажи, гдѣ путь мнѣ указалъ;
И я пойду, слѣпецъ послушный,
Куда рука Твоя ведетъ,
Какъ рабъ покорный, простодушный —
Пойду, куда твой гласъ зоветъ.
Но если путь любви счастливой,
Ты мнѣ въ удѣлъ здѣсь завѣщалъ —
Скажи, не тотъ ли образъ милый
Ты для любви, Господь, послалъ?

1858 г.

* * *

О бѣдность, бѣдность, какъ тюрьма,
Намъ волю сердца запираетъ,
И съ нею нѣжная душа
Томится, стонетъ и страдаетъ.
 Богатый также не всегда
 Въ своихъ желаньяхъ успѣваетъ,
 И для него есть череда,
 Что онъ украдкою страдаетъ.
Мечтой бываетъ онъ томимъ
Волнуется, груститъ, тоскуетъ,
На зло, какъ будто бы надъ нимъ
Любовь, играя, торжествуетъ.
 Но если вдругъ привѣтъ любви
 Къ нему съ улыбкой обратится,
 Забыты вмигъ страданій дни:
 Съ восторгомъ къ счастью онъ стремится
А бѣдный, нѣтъ; его любовь
Заботой новою стѣсняетъ,
И пылкая живая кровь
Въ недоумѣньи остываетъ;

Какъ скажетъ слово онъ «люблю»,
Когда одинъ разсчетъ лишь въ жизни:
Таить завѣтную мечту,
Боясь суда и укоризны.
И многіе такъ изъ людей
Проходятъ жизнь свою безцвѣтно,
И жертва бѣдности своей
Въ ней исчезаютъ незамѣтно.

1859 г.

ПОСВ. А. К.

Ты птичкой залетною къ намъ появилась,
И я любовался съ восторгомъ тобой,
Но скоро восторгъ мой и счастіе скрылись —
Ты вдругъ улетѣла, красотка, домой.
Когда повторится денекъ тотъ прекрасный,
Когда ты насъ счастьемъ опять подаришь,
Когда заблеститъ огонекъ у насъ ясный,
Когда ты къ намъ снова сюда залетишь?

1858 г.

КНЯГИНѢ М.

Княгиня, вы много восторговъ встрѣчали,
И громко вокругъ васъ раздавались привѣты,
И голосомъ нѣжнымъ сердца вы ласкали
И васъ воспѣвали и чтили поэты.
Пусть въ этотъ потокъ похвалы непритворной,
Мой голосъ ничтожный и скромный войдетъ,
Какъ новый притокъ въ океанъ многоводный —
Онъ въ немъ незамѣтно и тихо умретъ.

1859 г.

ДВѢ ПОДРУГИ.

— Скажи, мой другъ, мнѣ откровенно
Ты счастлива теперь?...
«. . . . . Отмѣнно!»
— Скажи, какое впечатлѣнье
Хозяйство, мужъ произвели?
Во всемъ признайся безъ смущенья.
«Ахъ, еслибы узнать могли
Всѣ дѣвушки, что ожидаетъ
Ихъ новый бытъ. Увы! клянусь,
Пускай меня всѣ осуждаютъ —
Я осужденій не стыжусь —
Повѣрь, скорѣй я-бъ согласилась
Весь вѣкъ свой дѣвушкой прожить.»
— Ты въ мужа, кажется, влюбилась?
«Легко такъ о другихъ судить.
Намъ говорятъ въ одинъ всѣ голосъ:
Пора и нечего дремать,
Вы, какъ несжатый въ полѣ колосъ,
Увянете. Къ чему же ждать?
Вотъ вамъ начальникъ отдѣленья,

Полковникъ, чѣмъ не молодецъ?
Къ чему же тутъ сопротивленье —
Вѣдь, надо положить конецъ,
Вы въ дѣвушкахъ лишь засидитесь...
Полюбите пустое все,
Теперь упрямитесь, гордитесь,
Чрезъ года три уже не то».
— Ахъ, другъ мой, замолчи скорѣе,
Во всемъ согласна я съ тобой,
И не могу я не краснѣя...
«Будь откровеннѣе со мной.
Насъ, дѣвушекъ, всегда торгуютъ,
Какъ вещь, извѣстно всѣмъ давно:
Въ романахъ о любви толкуютъ,
Любить на дѣлѣ всѣмъ смѣшно;
Насъ ревностно всегда вывозятъ
Разряженныхъ на всѣ балы;
Зимой безъ шляпокъ насъ морозятъ,
А все для модной похвалы.
Живя; конечно, въ заточеньи
Насъ не увидитъ гордый свѣтъ,
И вѣрныя предназначенью —
Спѣшимъ въ разсадникъ зла и бѣдъ.
Надѣемся, что симпатія
Намъ изберетъ любви предметъ,
Увы! у всѣхъ одна манія,
Одно корыстіе въ отвѣтъ.
Насъ оскорбляютъ, разбирая
По ниточкѣ нашъ весь нарядъ,
И намъ судьбу опредѣляютъ

И дѣлятъ тотчасъ на разрядъ.
Ни нѣжный взглядъ, ни блескъ душевный,
Ни свѣтлый умъ и красоту
Не цѣнитъ тамъ разсчетъ вседневный,
И узнаемъ мы пустоту.»
— Какъ грустно вспомнить, ты такъ ясно
Мнѣ представляешь нашъ удѣлъ,
Сродниться съ мыслію ужасно,
Что родъ людской такъ охладѣлъ.
«Итакъ, ты видишь весь ходъ жизни,
Какъ куклы, мы почти живемъ,
Роптать къ кому же укоризны
И жалобы мы понесемъ?
О воспитаньи всѣ хлопочутъ,
И музыкѣ и языкамъ
Насъ учатъ, а потомъ хохочатъ,
И говорятъ въ глаза же намъ:
Ну, полно, душенька, пустое,
Мужчины не артисты всѣ;
Немного грубъ тотъ, что̀-жь такое,
Привыкнешь, будетъ по душѣ.
Ты бѣдная, и помни это;
Тебѣ ужь двадцать пятый годъ,
Не передѣлаешь ты свѣта,
А наживешь себѣ хлопотъ.
Женихъ твой, сто̀итъ приглядѣться,
Покажется тебѣ хорошъ;
Какъ будетъ некуда ужь дѣться,
Повѣрь, за худшаго пойдешь.
И сватовствомъ, какъ паутиной,

Нашъ умъ и сердце обовьютъ,
И какъ завязнешь въ этой тинѣ —
Къ вѣнцу насъ тотчасъ поведутъ.
И вотъ, пока все притворяться
Съ своимъ уродомъ я должна,
Должна насильно цаловаться,
Казаться, что къ нему нѣжна;
Онъ очень добръ, но слишкомъ сладокъ,
И это все бы бы ничего,
Но иногда онъ такъ мнѣ ....
Бѣжала прочь бы отъ него.
Не такъ мой жизни путь начался,
Какъ судимъ мы всегда о томъ,
Онъ въ яркихъ краскахъ мнѣ являлся:
Дà, поздно жизнь мы узнаемъ.

1858 г.

СВИДАНІЕ.

— Твой строгъ отецъ, и я боюсь,
Всегда сурово онъ глядитъ.
Лишь только въ домъ я къ вамъ являюсь
Онъ сухъ со мной, всегда молчитъ.
Но еслибъ зналъ, какъ я люблю,
Какъ голова моя горитъ,
Что дни и ночи я не сплю,
Все образъ твой меня мутитъ.
Параша, другъ мой, научи,
Какъ старика намъ преклонить,
Такую ласку отыщи,
Чтобъ гнѣвъ отца могла смягчить.
«Послушай, Ѳедя, потерпи,
Я батюшку сама боюсь,
Порѣже ты сперва ходи,
А я за дѣло ужь возьмусь.
Ты будь къ нему всегда съ почтеньемъ,
Когда привыкнетъ онъ къ тебѣ,
Повѣрь, что кроткимъ обхожденьемъ
Ты привлечешь его къ себѣ.

— Параша, я люблю, дай руку,
И поцалуй меня вотъ такъ;
Разсѣй мою тоску и муку...
Параша, впрямь, вѣдь, я чудакъ!
Еще разъ поцалуй... прощай!
Ну, обними — теперь ступай;
Смотри съ отцомъ не повстрѣчайся,
И завтра въ полночь дожидайся.

1858 г.

* * *

Не грусти, старушка, больно
Видѣть слезы мнѣ твои;
На вѣку твоемъ довольно
Слезъ пролито въ черны дни.
Полная любви и силы
Няньчила своихъ дѣтей,
Были дни твои унылы —
Будь подъ старость веселѣй.
За дѣтей ты отстрадала,
И съ мольбою на устахъ,
Ихъ ростила, воспитала,
Днемъ и ночью въ хлопотахъ.
Отдохни теперь старушка —
Богъ и самъ отъ дѣлъ почилъ,
Много горькихъ слезъ подушка
Накопила съ тратой силъ.
Отдохни — пускай страдаютъ
Тѣ, кого и радость ждетъ,
Въ комъ надежда воскресаетъ,
Горе легче тотъ снесетъ.

1859 г.

КАЛѢКА.

Я также помню, что сомнѣнье
Сдавило сердце мнѣ въ груди,
Когда, однажды, въ ослѣпленьи
Остановился на пути.
Передо мной, въ хоромахъ пышныхъ,
Сіяло золото въ огнѣ,
И голосъ тутъ шепталъ чуть слышно:
Подайте милостыню мнѣ.
Никто той просьбы не услышалъ;
«Эй, берегисъ!» раздался крикъ.
Съ двора старикъ убогій вышелъ,
Печально головой поникъ.
И мнилось мнѣ, старикъ безногій,
Не для себя лишь онъ просилъ,
А въ своей хижинѣ убогой
Жену, дѣтей своихъ кормилъ.
Никто не обратилъ вниманья,
Калѣка тихо дальше шелъ,
И съ чувствомъ грусти, состраданья
Никто къ нему не подошелъ.

1859 г.

ПОСВ. М. А.

Маруся, прости, не сдержалъ обѣщанья,
Большихъ похоронъ я не могъ описать,
Не ты ли виною, иль просто незнанье,
Не буду я спорить, къ чему возражать.
Я помню лишь факеловъ блескъ и сіяніе,
И пышныя дроги, украшенный гробъ,
Толпу всѣхъ крестьянъ въ суетѣ провожанья —
И много каретъ и различныхъ особъ.
Служителей церкви, ихъ громкое пѣнье
Все, кажется, слышу теперь предъ собой,
И тронули сына любовь и почтенье,
Съ которыми встрѣченъ былъ прахъ всѣмъ родной.
Все помню, несвязно лишь я излагаю,
Но больше, что въ памяти я удержалъ,
Что чаще въ умѣ я своемъ представляю,
Тебѣ передамъ безъ прикрасъ и похвалъ:
Когда ужь послѣднюю почесть воздали
И гробъ опустили, осыпавъ землей,
И крышку съ цвѣтами ужь сводомъ сковали —
Тогда любовался, Маруся, тобой!
На память цвѣтокъ ты у гроба сорвала,
Нагнула головку, смотрѣла на прахъ.

И что тебѣ мысль въ ту минуту шептала?
Какую молитву твердила въ устахъ?..
Въ тебѣ, какъ въ цвѣткѣ все такъ мило казалось,
О смерти, глядя на тебя, позабылъ,
И къ жизни душа такъ просилась и рвалась;
Скажи мнѣ, Маруся, ужель я грѣшилъ?
Но жизнь такъ превратна, быть можетъ, случайно,
Ты завтра придешь на мой прахъ посмотрѣть,
О, брось мнѣ, Маруся, цвѣтокъ тотъ нечайно —
Съ нимъ вмѣстѣ хотѣлось бы мнѣ умереть.

1860 г.

ПОСВ. М. О.

Листья ужь давно желтѣютъ,
Стужа, сырость на дворѣ,
Выйдешь, руки леденѣютъ,
Иней въ окнахъ на зарѣ.

Человѣкъ, что листъ древесный —
Ежится отъ холодовъ,
Ждетъ весны, ждетъ лучъ небесный,
Съ ними оживаетъ вновь.

Но душа въ немъ есть святая,
Есть въ ней сводъ безъ облаковъ,
И горитъ, все согрѣвая,
Благодатная любовь.

1861 г.

РАЗВАЛИНЫ.

Пожаръ ли былъ въ огромномъ домѣ —
Остался лишь одинъ хаосъ;
Все развалилось вдругъ въ хоромѣ,
Какъ будто ураганъ разнесъ.
Все скучилось — одинъ лишь камень
Тяжолой грудою лежалъ,
Мгновенно все разрушилъ пламень,
А прежде крѣпко домъ стоялъ.
Ступеньки лѣстницы валялись,
Плитнякъ, и мраморъ, и гранитъ
Вдругъ въ массу сорную смѣшались,
Во всемъ былъ разрушенья видъ.
Когда дождемъ ихъ оросило,
Казалось все тогда виднѣй,
Одну ступеньку удивило
Въ сосѣдкѣ лоскъ, какъ блескъ лучей,
И не скрывая грусть притворно,
Она ей прямо говоритъ:
«Лежала ты вверху безспорно?
«Твоя наружность такъ блеститъ.

«Жила ты вѣрно здѣсь спокойно,
«Покрытая всегда ковромъ —
«Ты сберегла свой видъ пристойный —
«Не зналась никогда со зломъ,
«Скользнетъ, быть можетъ, только ножка,
«Прекрасный тонкій башмачекъ
«Коснется лишь тебя немножко —
«Кто-бъ этотъ трудъ не превозмогъ?
«Меня же дворникъ и служитель,
«Работникъ и простой мужикъ,
«Кухарка, поваръ и проситель,
«И робкій нищій, каждый мигъ,
«Топтали, мучили нещадно,
«И пачкали мое лицо —
«Житье ступенекъ безотрадно,
«Попавъ на заднее крыльцо!»
— Я ропотъ твой столь справедливый
Цѣню и вѣрю я тебѣ,
И взглядъ твой смѣлый, горделивый
Съ отрадой слушаю въ душѣ...
Но и въ мое ты положенье
Войди и безпристрастна будь,
И разсуди, чье униженье
Теперь сильнѣе давитъ грудь.
Ты отгадала, въ спальнѣ пышной,
Жила, одѣтая ковромъ,
И ножка нѣжная чуть слышно
Меня давила башмачкомъ;
Къ ковру я ножку ревновала,
Меня, казалось, онъ душилъ,

На волю выглянуть желала,
Такъ ножки шумъ меня манилъ
Вокругъ цвѣтовъ благоуханье,
Спокойствіе и тишина;
Движенье воздуха, дыханье —
Не потревожили меня.
Теперь — о, ужасъ! Вдругъ невзгода
Терзаетъ, мучаетъ, гнететъ,
И мраморъ, блескъ мой, непогода
Одною грязью лишь мететъ.
Когда-бъ я знала, отказалась
Отъ блеска прежней суеты,
Мнѣ мысль ни разу не являлась
Извѣдать участь нищеты.

НА СМЕРТЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Ему готовился престолъ,
И царскій тронъ, коронованье,
Но гласъ судьбы Его отвелъ —
Онъ чуждъ земнаго ликованья.
Тоскуетъ Русь — недавно съ ней
Онъ крѣпко сердцемъ подружился,
И полюбилъ ее теплѣй —
Зачѣмъ же съ нею вдругъ простился?!
Грустишь ты, Русь! зачѣмъ дарилъ
Тебя привѣтливымъ Онъ взоромъ,
Зачѣмъ надежду воскресилъ.
Уснулъ, умолкъ, всѣ шепчутъ хоромъ...
Но кто же плачетъ, чья слеза —
Какъ лава, грудь, уста сжигаетъ?
Царица мать, твои глаза
Всѣхъ матерей къ тебѣ сзываютъ.
И много-много русскихъ женъ,
Вся Русь колѣна преклоняетъ,
И всякій смертный пораженъ

И горемъ матери страдаетъ!
Простите мнѣ мою слезу,
Порфироносные родные,
Что къ Вамъ въ чертогъ ее несу —
Вѣдь, слезы подданныхъ святые.
Позвольте ими мнѣ омыть
Стопы усопшаго съ любовью,
И скорбь свою предъ тѣмъ излить,
Кому клялся служить я кровью!

1865 г.

КУБОКЪ.

Пѣнится кубокъ заздравнымъ виномъ,
Въ душу любовь мнѣ вливаетъ,
Съ каждою каплей все больше огнемъ
Сердце мое раскаляетъ.
Сколько отрадныхъ минутъ проводилъ,
Кубокъ, съ тобой нераздѣльно,
Черпалъ въ тебѣ я и радость и пилъ
Здоровье друзей неподдѣльно.
Пѣнься мой кубокъ лишь тамъ, гдѣ и кровь
Тѣсною дружбой скрѣпляетъ.
Сладко вино среди тѣхъ, чья любовь
Къ жертвѣ, къ добру вдохновляетъ.

1865 г.

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Какіе волосы у васъ,
Какой ихъ цвѣтъ и густота,
Любуюсь ими всякій разъ,
Въ прическѣ что за простота!
Какой чудесный цвѣтъ лица,
Какой румянецъ въ вашихъ щечкахъ,
Я восхищаюсь безъ конца.
Въ кольцо зачесанныхъ височкахъ,
Въ бровяхъ прелестныхъ и рѣсницахъ,
Въ улыбкѣ — что-то въ нихъ сіяетъ,
Восторгъ въ душѣ и на устахъ
Улыбку счастья вызываетъ.
А бюстъ вашъ, дѣвственная грудь —
О, это творчество Кановы!
Нѣтъ силъ спокойно мнѣ вздохнуть
И сбросить вашихъ чаръ оковы.
. . . .
Прокрался лучъ дневной въ окно,
Нескромно спальню освѣщая,
Надъ юношей смѣясь давно —

Предъ нимъ ужь женщина другая.
Исчезъ ея румянца цвѣтъ,
А вкругъ бровей чернѣютъ пятна,
Что̀ скромно скрылъ лампады свѣтъ —
Надъ тѣмъ лучъ дня смѣялся внятно.
Глаза закрыты, блескъ огней
Исчезъ, вокругъ однѣ морщины
Отъ пудры сдѣлались виднѣй,
Казались сѣтью паутины.
И спящая предъ нимъ она
Была, какъ остовъ безобразный,
Худа, болѣзненно блѣдна —
Упалъ туалетъ обманомъ грязный —
А бюстъ, который поражалъ,
Тотъ бюстъ Кановы величавый,
Онъ ложнымъ блескомъ восхищалъ —
Фальшивою сіяя славой —
Коса, чудесная коса,
Обворожившая собою,
Ея поддѣльная краса,
Дана продажною рукою.
Камелія, гдѣ тотъ восторгъ,
Которымъ ты очаровала?
Проснись, вотъ деньги за твой торгъ —
Товаръ лицемъ ты показала.

1860 г.

ЗАСУХА.

Посв. М. И. П.

Когда посѣвъ ужь совершился,
На пашню брошено зерно,
Скажите, кто же не молился,
Чтобъ плодъ оно свой принесло.
Нѣтъ равнодушныхъ и жестокихъ,
Не цѣнящихъ свой честный трудъ,
И на поляхъ своихъ широкихъ
Всѣ съ нетерпѣніемъ жатвы ждутъ —
Всѣ ждутъ — увы! но ожиданья
Не оправдались: средь полей
Сноповъ не видно, и терзанье
На грустныхъ лицахъ у людей.
Засуха! Божье наказанье!
Въ одинъ всѣ голосъ говорятъ,
Но не теряя упованья —
Господь пошлетъ, они твердятъ.
Косу и серпъ въ амбаръ сложили,
О лѣтѣ будущемъ вопросъ,

О будущихъ дождяхъ молили,
Надежда смыла слѣдъ всѣхъ слезъ.
Съ засухой люди помирились,
Насталъ и благодатный годъ,
Чего въ томъ годѣ всѣ лишились —
Воздалъ сторицей жатвы всходъ.
Такъ съ полемъ дружба у людей;
Людей на время покидаетъ —
Кто въ счастье вѣритъ самъ живѣй,
Того оно не оставляетъ.
Не та ли жнитва у людей,
Гдѣ всходитъ жатвы вкусный плодъ,
И мучаетъ еще сильнѣй,
Когда вдругъ бѣденъ умолотъ
О сердце! ты среди полей —
Дороже всѣхъ, и Богъ Великій,
Лишивъ тебя своихъ дождей,
Ты поростешь травою дикой;
Проси же Бога — Онъ пошлетъ,
Поля твои ужь отдохнули,
Слеза любви кару пробьетъ —
Зачѣмъ цвѣты твои уснули?
И лучъ надежды оживитъ,
Души слабѣющія силы —
И колосъ жатвы зашумитъ
По слѣду засухи постылой.

1862 г.

ОТЧЕГО?

Посв. А. К.

. . . . . . отчего сожмется
Сильно сердце вдругъ мое,
Отчего оно такъ бьется
У порога твоего?
Не блестятъ твои палаты
Блескомъ золотой парчи,
И твой домикъ небогатый
Не пугаетъ нищеты.
Дружески всегда встрѣчаетъ
Твой отецъ гостей своихъ,
Рѣчью доброй обласкаетъ,
Какъ ласкалъ бы и родныхъ.
Позабудешься съ нимъ въ спорѣ,
Рѣчь его не свысока;
Весело мнѣ въ разговорѣ
Слушать мысли старика.
Весело, не морщишь брови,
А какъ только ты взойдешь,

Брызгами горячей крови
Ты виски мои нальешь.
Отчего вдругъ онѣмѣешь,
Не доскажешь, что хотѣлъ,
Какъ дитя вдругъ оробѣешь,
А я прежде не робѣлъ?
Неужель не отгадаешь,
Отчего я такъ грущу?
И нарочно мнѣ не скажешь
Имя той, кому пишу.

1858 г.

*
* *

Зачѣмъ поэты существуютъ
Въ нашъ вѣкъ, гдѣ лишь одинъ разсчетъ
Умы, сердца людей волнуютъ —
Кумиръ всѣхъ думъ и всѣхъ заботъ.
Могу-ль при этомъ направленьи,
При этомъ взглядѣ всѣхъ людей,
Предаться чувству умиленья —
Любить и чувствовать нѣжнѣй?
Но я, безумецъ, отклонился,
И мнѣньемъ общимъ пренебрегъ,
И такъ любилъ, какъ бы молился —
Иначе чувствовать не могъ.

1860 г.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО.

Посв. П. И. А.

Напрасно грустишь и напрасно тоскуешь,
Твой другъ неразлученъ въ разлукѣ съ тобою;
Напрасно сомнѣньемъ себя ты волнуешь,
И сердце тревожишь ревнивой мечтой.
Онъ любитъ тебя не за то, что красою,
Его ты плѣнила, краса пропадетъ;
Но любитъ онъ душу твою и душею
Едва-ль отъ души твоей кто оторветъ.
Не блескъ красоты и не сила богатства,
Что гордо проходитъ и жертвой соритъ,
Меня не прельстятъ — и клянусь въ это царство,
Мой опытный взоръ боязливо глядитъ.
Я вѣрю въ богатство души благородной,
Краснѣя боялся бъ лишь той нищеты,
Когда бы въ душѣ, какъ на нивѣ безплодной,
Сознал бы я тяжесть одной пустоты.
Но жить мнѣ не скучно, надеждой, мечтою
Я занятъ и веселъ и умъ мой живетъ,
Въ разлукѣ съ тобой, ты всегда предо мною
И мысль о тебѣ сердцу силу даетъ.

Напрасно грустишь и напрасно тоскуешь,
Мы счастливы оба, другъ друга любя,
Напрасно сомнѣньемъ ты сердце волнуешь
Въ разлукѣ съ тобой я живу для тебя.

1862 г.

КАРТИННАЯ ЛАВКА.

— Пожалуйте-съ, товаръ у насъ
Есть преотличный, превосходный,
Головку-съ вамъ? найдемъ тотчасъ,
При рамкѣ самой новомодной.
«Давай, посмотримъ, покажи»,
Сказалъ вошедшій. — «А что̀ сто̀итъ?»
— Не дорого-съ. — «Ну, завяжи.»
И заплативъ купцу, уходитъ.
— Пожалуйте-съ, товаръ у насъ
Отличный, цѣну не запросимъ,
Ландшафтикъ выберемъ для васъ,
Съ простыми рамками отбросимъ.
«Получше рамку подбери.»
— Ужь мы потрафимъ, наше дѣло,
Судить весь городъ собери,
А рамка-съ чудо, скажемъ смѣло,
И уступаю лишь для васъ.
Купецъ прибавилъ и звалъ снова,

Такъ каждую минуту, часъ,
Продажа новая готова.
Для рамокъ или для картинъ,
Такъ часто въ лавку заходили,
Но изъ входящихъ ни одинъ
Художнику тѣмъ не польстили.
Всѣ рамки продалъ; на товаръ
Купецъ безъ рамокъ не сзываетъ,
Прошелъ и первый его жаръ —
Картины молча разставляетъ.
«Послушай, что здѣсь продаешь?»
Спросилъ прохожій съ нетерпѣньемъ.
«Картины есть? И что возьмешь
За эту?» Съ удивленьемъ
Купецъ на гостя посмотрѣлъ.
— Ужь рамки проданы и модныхъ
И лучшихъ-съ нѣтъ, сказать успѣлъ,
Безъ рамокъ-съ если вамъ угодно?
Но посѣтитель не внималъ
Словамъ торговца и картину
Онъ съ осторожностью самъ взялъ,
Отеръ и пыль и паутину;
Двойную цѣну заплатилъ
За то, что брошеннымъ лежало,
И онъ одинъ лишь оцѣнилъ,
Что истинной красой сіяло.
И не одинъ ходилъ смотрѣть,
И не одинъ ей любовался,
Пріишлось не разъ тѣмъ пожалѣть,
Кто блескомъ рамокъ лишь прельщался.

И свѣтъ не тотъ ли магазинъ,
Гдѣ больше рамками торгуютъ?
Забытыхъ много въ немъ картинъ,
Но о цѣнѣ ихъ не толкуютъ.

1862 г.

ПОСВ. П. А.

При встрѣчѣ всякій разъ со мною
Ты за руку меня берешь,
И смотришь такъ, какъ бы мольбою
Къ себѣ и манишь и зовешь.

. . . .

Идя со мною въ садъ гулять,
Ты глазъ почти съ меня не сводишь;
Спѣшишь всегда меня обнять,
Милѣй другихъ меня находишь.

. . . .

Садясь обѣдать всякій разъ,
Движеньемъ ножки пробужденный,
Безъ словъ я слушалъ твой разсказъ
Любви ко мнѣ одушевленной.

. . . .

И презирая непогоду
Ты у окошка меня ждешь,
И гнѣвъ родныхъ и всю невзгоду
За мигъ свиданья отдаешь.
А я тебѣ чѣмъ отвѣчалъ?
Боялся вѣрить и молчалъ.

1862 г.

ПОСВ. П. И. А.

О, ради Бога, не люби,
Любить тебѣ ужь надоѣло,
И про любовь не говори,
Холодность встрѣчу твою смѣло.

Я-ль измѣнился, или ты?
Но я люблю тебя сильнѣе,
Ревниво мечутся мечты,
И чувство въ сердцѣ горячѣе.

Я-ль измѣнился, или ты?
Я ждалъ тебя, ты не простилась.
Съ дремотою всѣ спать пошли,
Лишь сердце крѣпко мое билось.

О, умоляю, позабудь,
Что ты когда-нибудь любила,
И чувствамъ дай моимъ уснуть.
Зачѣмъ во мнѣ ты разбудила?

Насмѣшку вѣрно на устахъ
Мой ропотъ вызвалъ полуночный;
Меня же грусть, тревога, страхъ
Какъ-будто давятъ силой мощной.

1862 г.

МУЖИКЪ НА ЯРМАРКѢ.

— Стой мужичекъ, братъ, подожди,
Я покупатель настоящій,
А ну-ка лошадь отвяжи —
Жеребчикъ нячего, путящій;
А что возьмешь? — «Не знаю самъ»,
Мужикъ прикинулся ягненкомъ.
— Маклакъ ты, вижу по глазамъ,
Хотя и смотришь, братъ, теленкомъ.
Ну, говори. — «Сто съ четвертной»,
А самъ за возжи да и тягу.
— Ну, запросилъ, да ты постой,
Чего-жь боишься ты, плутяга?
Не съ маклакомъ, вѣдь, говоришь;
Не бойся и торгуйся смѣло;
Проси по чести! Чтò-жь молчишь?
Вдругъ важное рѣшилось дѣло,
Мужикъ и руку протянулъ:
«Извольте, рубликъ уважаемъ.»
При этомъ словѣ такъ вздохнулъ,
Какъ бы съ роднымъ разстался краемъ.

И видитъ тотчасъ ремонтеръ,
Что тонкій мужичекъ попался,
Онъ прекратилъ съ нимъ разговоръ
И больше ужь не торговался.
На ярмарку мужикъ пришелъ
И сталъ онъ на знакомомъ мѣстѣ,
Глазами площадь вмигъ обвелъ,
Мечталъ коня продать за двѣсти.
— А, нутка, отвяжи скорѣй,
Маклакъ торопитъ мужика.
— Да подходи къ коню смѣлѣй,
И не гляди, братъ, свысока,
Пройди-ка шагомъ, а чтобъ взялъ?
«Я сказывалъ». — Мы не слыхали. —
«Сто съ четвертной», а самъ дрожалъ,
Что цѣну всѣ теперь узнали.
— Сто съ четвертной? Такъ вотъ ты какъ,
Какую цѣну, братъ, ломаешь;
Какой же дастъ тебѣ дуракъ?
Ты, вѣрно, деньгамъ счетъ не знаешь.
А ты другъ вотъ что, братецъ мой,
Скинь шапку, да давай молиться.
Билетъ назначь двучетвертной,
Такъ можно бы съ тобой сойтиться.
И руку взялъ его маклакъ,
И колотилъ и торговался,
Хоть былъ мужикъ и не дуракъ,
А на три ужь рубля сдавался.
Но ужь маклакъ не отходилъ,
Какъ пьявка въ руку онъ влепился,

Крестился и поклоны билъ,
Божился, клялся и молился.
Всѣ окружили мужика,
И хохотали и журили,
И грудью всѣ за маклака;
Но мужика еще не сбили.
Вдругъ шапку снялъ ужь самъ мужикъ,
Сталъ будто бы повеселѣе,
Развязнѣй сдѣлался языкъ,
Осанкой сталъ какъ бы бодрѣе;
Потомъ немного помолчавъ,
Торжественно перекрестился,
Какъ будто былъ предъ Богомъ правъ —
И въ заключенье побожился:
«На сотню красныхъ двѣ возьмемъ»,
Сказать въ послѣднiй разъ рѣшился,
И въ словѣ такъ былъ твердъ своемъ,
Что и маклакъ самъ удивился.

1863 г.

ОХОТНИКИ.

Стрѣлокъ плохой, я не скрываю,
И въ сокола не попаду,
Но страсть къ охотѣ не теряю
Однѣхъ синичекъ все ловлю.
Замѣтивъ съ самаго рожденья,
Что Богъ таланта мнѣ не далъ,
Поймавъ синичку — утѣшенье
Я истинное ощущалъ.
И сколько мнѣ ни попадалось
Синичекъ, ровно всѣхъ любилъ,
И скучнымъ время не казалось
И весело всегда я жилъ.
Пойду, бывало, на охоту,
Не долго попусту хожу,
Всей жизни забывалъ заботу
Когда синичку отыщу.
Теперь одной лишь предпочтенье
Надъ всѣми птичками даю;

И всю заботу, попеченье
Все ей одной я приношу.
Ты-жь не былъ до синицъ охотникъ,
Все въ сокола-бъ тебѣ стрѣлять,
Неблагодарный, грѣховодникъ,
Позволь теперь тебѣ сказать:
Хоть въ небѣ соколъ и летаетъ
Но до небесъ намъ далеко,
Ружье едва ли достигаетъ —
Онъ безопасенъ отъ него.
Ходя охотиться все праздно,
Ты тѣмъ наскучилъ самъ себѣ,
Казалось жизнь однообразной
Тоской лежала на душѣ;
Наскучило и надоѣло
Тебѣ ружье свое таскать,
Негодованье закипѣло,
Забылъ о соколѣ мечтать;
А тутъ синички да синички
Все хвостикомъ своимъ вертятъ,
И рѣзвятся милашки птички
И все тебя къ себѣ манятъ.
Не выдержалъ и вдругъ невольно
Синичку ты платкомъ накрылъ
И будто сдѣлалось привольнѣй,
Синичку будто полюбилъ,
Но не надолго; соколъ ясный
Все такъ и грезится тебѣ,
Синички хвостикъ хоть прекрасенъ,
Но все тебѣ не по душѣ.

Такъ выпусти, бѣдняжку, птичку,
Она хозяина найдетъ,
Не выпустишь — тогда синичку
Влетѣвшій соколъ заклюетъ.

1863 г.

ГОРНИЧНАЯ.

Зачѣмъ, скажи, принарядилась?
Сними ты сѣтку съ головы,
Всю ночь вязала, торопилась
Лишь для безславной все молвы.
Работаешь ты не лѣниво,
Всѣ про тебя такъ говорятъ,
Но вотъ бѣда, зачѣмъ красиво
Убрала головной нарядъ.
Какъ, горничная сѣтку носитъ?
Какая роскошь, срамъ какой!
Вѣдь, не повѣрятъ и не спросятъ,
Откуда взятъ нарядъ такой.
Къ опрятности твою наклонность
Лишь къ прихотямъ всѣ отнесутъ,
И въ ней усмотрятъ непристойность —
Иначе всѣ тебя поймутъ.
Сними же сѣтку поскорѣе,
И кринолинъ скорѣй сними,
И предъ собой всегда краснѣя
Въ неряшествѣ скорѣй усни.

Совѣтъ, не скрою, очень милый
Пришлось разъ горничной подать,
Чтобъ впредь мнѣ съ барышней стыдливой
Тяжелый споръ не начинать.

1863 г.

*
* *

Дорогой въ глуши, среди сумрака ночи,
Въ лѣсу ли, вдаваясь все въ чащу вѣтвей,
Мой путь освѣщаютъ твои только очи —
Вездѣ и повсюду мнѣ съ ними свѣтлѣй.
Усталый съ работы домой возвращаясь,
Твой образъ всегда провожаетъ меня,
Я имъ, какъ ребенокъ игрушкэй, прельщаюсь,
И кротко мирюсь съ безпокойствіемъ дня.
Тебѣ всѣ усилья труда и защиты,
Всю жизнь и всю кровь я-бъ хотѣлъ посвятить,
И сердце мое для тебя лишь открыто —
Тебя я люблю и вѣкъ буду любить.
Я помню, быть можетъ, и ты вспоминаешь,
Какъ страстно любилъ я тебя цаловать,
И помню, бывало, когда приласкаешь,
Не могъ я объятій своихъ оторвать,
И крѣпко къ себѣ твою грудь прижимая,
Устами я часто впивался въ нее,
И страстію жгучей себя наполняя,
Счастливецъ тогда забывалъ я про все.

1862 г.

*
* *

Прости прекрасная подруга
За нравъ мой рѣзкій и крутой,
Въ минуты моего досуга
Повѣрь, я каюсь предъ тобой.
Клянусь, что чистой, какъ денница,
Блестящею, какъ солнца лучъ,
Создалъ бы жизнь тебѣ царица,
Когда бы я былъ столь могучъ.
Но силой смертнаго владѣя —
И та безсильна такъ во мнѣ —
Въ ничтожествѣ своемъ краснѣя,
Что̀-жь могъ подруга дать тебѣ?
Одно мечтанье, плодъ нетлѣнный:
Но кто же цѣнитъ здѣсь его!
И падаю, какъ пораженный,
Стыдясь безсилья своего.

1863 г.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Ребенокъ прелестный, съ кудрявой головкой,
Гадала ли няня, любуясь тобой,
Когда ты, рѣзвушка, смотрѣла плутовкой,
Что ты будешь милой и доброй женой.

*
* *

Навѣрное часто она говорила:
Не надо рѣзвиться, не надо шалить,
И съ теплой молитвою Бога просила,
Кудрявой головкѣ счастливою быть.

*
* *

Добрѣйшая няня, да, ты не ошиблась,
Ребенокъ твой выросъ достойный хвалы,
Не даромъ, любя, за него ты молилась —
Не создалъ Господь еще лучшей жены.

Съ красою душевной, стройна, какъ Діана,
Любуются люди, глядя на нее,
Смотря на причуды красиваго стана,
Чье сердце не бьется въ груди горячо?

1863 г.

ПАМЯТИ ГР. БОГАРНЕ.

Какъ ангелъ Божій, средь цвѣтовъ
Лежала ты и мы молились
Объ оставленіи грѣховъ,
Потокомъ слезы наши лились.
Предъ Божьимъ праведнымъ судомъ
Рабой безропотной предстала,
Уснула кротко вѣчнымъ сномъ,
И скорбь на вѣки завѣщала.
И будутъ помнить, будутъ чтить,
Кто зналъ тебя, кого любила,
Кто доброту умѣлъ цѣнить,
Въ комъ не угасла сердца сила.
Вокругъ тебя лишь былъ восторгъ,
За всѣ души твоей дѣянья,
И горькихъ, горькихъ слезъ потокъ
Твоимъ заслугамъ воздаянья.
Спи кроткій ангелъ, Богъ съ тобой,
Безгрѣшный, чистый, непорочный.
Предъ памятью твоей святой
Придемъ молиться въ часъ урочный,

Придемъ колѣна преклонить,
Придемъ мы грѣшные толпою,
Придемъ учиться, какъ намъ жить —
Примѣръ твой видя предъ собою.

1870 г.

ОПРАВДАНІЕ.

Да, вы слуга, я вамъ прощаю
Служебный только вашъ разсчетъ,
Вы служите Царю — я знаю,
За то и въ службѣ вамъ почетъ.
Но всѣ мы служимъ, долгу вѣрны,
Отчизну любимъ, какъ и вы,
И въ исполненіи усердны
Декретовъ царственной главы.
Но мы невольники — другое
У насъ есть чувство, и предъ нимъ,
Что на землѣ, какъ Богъ святое,
Мы раболѣпствуемъ, дрожимъ.
У насъ есть дѣти и малютки,
На нашихъ плечахъ ихъ несемъ,
Ужель они даны для шутки —
Мы Богу въ нихъ отчетъ даемъ.
Вамъ непонятны стонъ и крики
Больныхъ и плачущихъ ребятъ,
У васъ одни восторга клики:
Вамъ крестъ дадутъ и наградятъ.

Не хвастайте, на мѣстѣ многихъ
Вы потеряли бы свой пылъ,
Изъ критиковъ теперь столь строгихъ
У васъ самихъ не стало-бъ силъ.
Предъ плачущей семьей смиряясь,
Нагнули-бъ голову не разъ,
Тогда бы съ вами повстрѣчаясь
И другъ вашъ не узналъ бы васъ!..

Санктпетербургъ, 4-го апрѣля 1871 г.

ЛИТЕЙНАЯ.

Вы часто смотрите съ презрѣньемъ,
Когда пѣшечкомъ генералъ
Идетъ съ Литейной; съ оскорбленьемъ
Всегда въ васъ это замѣчалъ.
Наружность видя генерала,
Забыли человѣка въ немъ,
Насмѣшки острыя, какъ жало,
Лишь упрекаютъ все въ одномъ:
Зачѣмъ онъ красную подкладку
Надѣлъ, и ходитъ только въ ней?
Зачѣмъ сюртукъ его съ заплаткой?
Носить онъ могъ бы поновѣй.
Но еслибъ знать, какой цѣною
Лампасы генералъ купилъ,
Какъ трудъ бѣднякъ любилъ душою,
Едваль его кто-бъ осудилъ.
Рабы лишь роскоши и блеска,
Какъ люди часто и вездѣ
Боитесь тѣхъ, кто смотритъ дерзко,
Кто презираетъ васъ въ душѣ.

И генералъ, что важно ходитъ
И просто позабылъ ходить,
Себѣ и равныхъ не находитъ,
Скорѣй васъ можетъ восхитить.
Одинъ слѣды вездѣ оставилъ
Трудовъ, заботы да семью,
Какъ слугъ отечеству поставилъ
Далъ цѣну жизни и шитью.
Другому лишь богатство рода
И все протекція дала,
Сошлюсь на мнѣніе народа:
Кому же честь, кому хвала?!..
И ты, Литейная, вмѣщая
Такихъ достойнѣйшихъ жильцовъ,
Нисколько этимъ не теряя,
Не нарушаешь блескъ домовъ,
Надѣвши красную подкладку,
Я самъ въ Литейной поселюсь.
И тотъ, кто судитъ по заплаткѣ,
Надъ тѣмъ въ душѣ я самъ смѣюсь.

Петербургъ, 10-го января 1871 г.

ПОСВ. Г. С...

Корнетъ, полковникъ, генералъ
Всѣ въ одинъ голосъ восхищались,
Какъ корпусъ въ лагеряхъ стоялъ
Въ одно всѣ мнѣнія сливались:
И всѣ хвалу лишь воздаютъ
За тонъ, манеру обращенья,
И съ нимъ навѣрно всѣ пойдутъ
Въ кровавый бой, какъ на ученье.

Петергофъ, 21-го ноября 1871 г.

* * *

Ужь слишкомъ люди дерзки стали,
Смѣшно смотрѣть со стороны,
Вѣдь, умирать не перестали
Ростовщики и хвастуны.
Придетъ пора, уста сомкнутся,
Уймется дерзостей гроза,
Червонцевъ горсти разожмутся,
Когда закроются глаза,
И что̀ жь съ собой возьмутъ въ могилу?
Наемныхъ пѣвчихъ звучный хоръ,
Напрасно напрягая силу,
Не заглушитъ молвы позоръ.
Винтомъ желѣзнымъ гробъ забьется
И купятъ мраморъ дорогой,
Но кто жь нѣжнѣе отзовется?..
Въ нашъ вѣкъ зачѣмъ вопросъ такой...

Петергофъ, 23-го октября 1871 г.

СПАСИБО КАВАЛЕРИСТА.

Посв. И. Ѳ. Т.

Товарищъ милый, вотъ спасибо
За ласку дружбу и любовь,
Но за одно я особливо
Благодарить тебя готовъ.
Да, вѣрь, я передамъ и дѣтямъ
Твои похвальныя слова,
И вѣкъ гордиться буду этимъ,
Что заслужилъ свои права.
О, говори мнѣ, что придется,
Брани, сердись и осуждай,
Во всемъ пусть гнѣвъ твой отзовется,
Но за ѣзду хвалу воздай.
О, сколько время и тревоги
Я страсти этой посвятилъ,
Ломалъ я руки, шею, ноги,
Коня и ѣздить я любилъ.
Бывало въ поле понесешься,
Помчишься птицей иль стрѣлой,

Ужь поздно вечеромъ вернешься
Конемъ довольный и собой.
Пойдешь въ манежъ подчасъ украдкой,
Иной разъ ѣздишь со свѣчой,
Надъ поводомъ, какъ надъ загадкой,
Сидишь и думаешь порой.
Предъ свѣтомъ въ томъ заслуги мало,
Но въ полковой семьѣ своей,
Она, спасибо, не пропала —
И тѣмъ горжуся я, ей-ей.

Петергофъ, 4-го марта 1871 г.

Л. Г. УЛАНСКОМУ ПОЛКУ.

Уланскому полку на славу
Я пѣсню съ гордостью пою,
Въ той пѣснѣ нахожу забаву —
За жизнь уланскую стою.

Ты жизнь уланская приволье,
Уланъ не тужитъ, не груститъ,
Уланъ живетъ въ свое раздолье —
Его и служба не томитъ.

Насъ цѣнятъ, любятъ командиры,
Чего же намъ еще желать,
За нихъ и съ ними въ конецъ міра
Идти готовы умирать.

И впрямь, уланы не хваляся,
Господь послалъ намъ благодать,
И долею своей гордяся
Не грѣхъ за службу постоять.

И быстро скачутъ лейб-уланы,
Сильна ихъ крѣпкая рука,
Какъ клещь въ сѣдлѣ и съ виду паны —
На мѣстѣ пляшутъ стремена.

И на смотру насъ отличаютъ
И Царь всегда благоволитъ,
По вѣтру флюгера летаютъ,
На шапкѣ звѣздочка горитъ

Бывало, въѣдешь на пригорокъ —
Узорной лентой полкъ идетъ.
Еще готовъ служить лѣтъ сорокъ;
Но, вѣдь, всему есть свой чередъ.

Причиной вотъ что лейб-уланы,
Вамъ правду ужь пришлось сказать.
Пригожъ нашъ шефъ и ветераны,
Не станутъ мнѣ въ томъ возражать.

Не льщу, клянуся, ужь посадки
Другой, какъ въ немъ, не отыскать,
А что коснется до ухватки,
Картину такъ не написать.

По виду кто же не узнаетъ,
Изъ сотни тысячъ ѣздоковъ
Его навѣрно угадаютъ.
Вотъ, братцы, шефъ у насъ каковъ.

Въ манежъ ходить ей-ей не надо,
Любуясь шефомъ и учись,
Ужь впрямь уланамъ онъ отрада,
Служи уланъ и веселись!

Въ бою онъ прослыветъ героемъ,
Пошли Господь идти съ нимъ въ бой
И лейб-уланскимъ дружнымъ строемъ
Мы полетимъ за нимъ стрѣлой.

Красное Село, 1871 г.

ПОСВ. Е. Г. Ч.

Такихъ гусарчиковъ немного,
Какъ ты, хорошенькій гусаръ,
Танцуешь бойко, смотришь строго —
Люблю въ тебѣ я танцевъ даръ.
Своею ножкой восхищаешь,
Твой ботикъ, что вашъ башмачекъ,
По сценѣ весело порхаешь,
И въ шпорахъ блещетъ огонекъ.
Люблю смотрѣть, и не скрываю,
Что ментикъ твой къ тебѣ идетъ,
Нетерпѣливо вызываю
Къ тебѣ такъ сердце мое льнетъ.
Гусаръ ли ты?.. про то не знаю,
По ножкѣ вѣрить мудрено;
Завидую и раздѣляю...
Но ты гусаръ — мнѣ все равно.

Красное Село, 1870 г.

ПОСВ. Е. Г. Ч.

Благодарю васъ отъ души,
Пишу подъ первымъ впечатлѣньемъ
И говорю вамъ съ увлеченьемъ,
Что ваши взоры хороши.

Ужь тѣмъ казался милъ вашъ взглядъ,
Что все слѣдили со вниманьемъ
И слушали съ большимъ желаньемъ
Моихъ твореній цѣлый рядъ.

Благодарю васъ всей душой,
О, сохраните взоръ прекрасный
И въ день холодный и ненастный
Согрѣйте взгляда теплотой.

И поступая такъ со мной,
Поэтъ довольный, поощренный,
И милымъ взоромъ одобренный,
Зальется пѣснею живой.

1871 г.

КОКОНЪ.

ПОСВ. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ЕВГЕНІЮ МАКСИМИЛІАНОВИЧУ.

Кому, скажите, неизвѣстны
Природы мудрой чудеса,
Какъ все въ ней дивно и прелестно,
Во всѣмъ есть тайна и краса.
Кто въ дѣтствѣ самъ не занимался
Ловленьемъ мушекъ, червячковъ?
И крылышкомъ не любовался
Жучковъ, стрекозъ и мотыльковъ?
Кто не дивился превращенью?
Гдѣ прежде червячокъ лежалъ,
Вдругъ видишь съ полнымъ удивленьемъ,
Что червячокъ какъ бы пропалъ.
Лежитъ недвижимъ, ножки скорчилъ,
Одѣтый точно въ пелену,
Тотъ червячокъ, что жалъ и морщилъ
И спинку гнулъ свою въ дугу.

Но не надолго, смотришь ножки,
И усики вдругъ отросли
И крылышки и понемножку
Его и въ поле унесли.
Изъ червячка, что ползалъ скромно,
Не поднимая головы,
Летитъ крылатая привольно
И лишь садится на цвѣты.
И съ человѣкомъ такъ бываетъ:
Сначала точно червячокъ,
Все бъ ползалъ, ничего не знаетъ,
Лишь только лезетъ на песокъ.
Потомъ вдругъ, смотришь, подростаетъ.
Но вотъ приходитъ и пора,
И возрастъ тотъ, гдѣ онъ не знаетъ,
Что дѣлать съ утра до утра.
И какъ въ коконѣ, безъ движенья,
Готовъ хоть цѣлый день лежать,
Отъ длинныхъ ногъ въ недоумѣньи,
Не знаетъ руки какъ держать.
Но вдругъ замѣтно усъ пробился,
Духъ силы цѣпи вмигъ разсѣкъ,
Коконъ исчезъ и самъ разбился —
Изъ юноши сталъ человѣкъ!
Тверда рука, глаза сверкаютъ,
Крылата поступь и смѣла,
Надежда юная пылаетъ —
И жизнь иная потекла.
Тогда предъ нами все открыто;
На миръ съ любовію глядимъ,

И все въ насъ правдой перевито,
Мы вѣрить, чувствовать хотимъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ только люди жили
Не новость это, знаютъ всѣ,
Всѣ эту пору проходили —
Вѣдь, люди все одни и тѣ.
Такъ, подчиняясь всѣ закону
Идемъ мы твердою стопой,
И не встрѣчаемъ мы препоны
Въ велѣньяхъ силы роковой.
Но человѣкъ, и кто жь не знаетъ,
Свободенъ въ дѣйствіяхъ своихъ,
Природу ими побѣждаетъ,
Но часто путается въ нихъ.
Ты указалъ, Господь, законы
Для червячка и для цвѣтка
И смолкли бъ всей вселенной стоны,
Когда бъ вела Твоя рука.
Но смыслъ прямой намъ заслонили
И узкою своей тропой
Широкій путь мы замѣнили —
Хвалясь надменно предъ Тобой.
Ошибка и обманъ рождаетъ.
Мы обманулись и теперь
Идемъ, куда разсчетъ сбиваетъ,
Мы затворили правдѣ дверь.
Къ догадкамъ только лишь стремимся,
Беремъ изнанку за лицо,
То плачемъ, то опять гордимся
И снова гнемся мы въ кольцо.

Мы вѣрны всѣ своей природѣ,
Пока мы не тревожимъ умъ,
Лишь шевельнулся и невзгодѣ
Конца не знаемъ мрачныхъ думъ;
Но все же намъ дана защита,
Есть берегъ въ морѣ роковомъ,
Въ немъ счастье смертному открыто
И вѣетъ отъ него тепломъ:
Любовь и бытъ любви семейной
Природа намъ вложила въ кровь
И мы должны благоговѣйно
Въ нихъ видѣть крылья и покровъ.
Но человѣкъ самъ отказался
И эти крылья надломилъ
И гордо надъ собой смѣялся,
Что онъ и вѣрилъ и любилъ.
Но не во всемъ мы равнодушны,
Въ насъ чувство робости живетъ,
И кто жь насмѣшливо, бездушно
Главу отъ гроба отвернетъ.
И прахъ свой въ землю опуская,
Смиренно и мудрецъ стоитъ
И прахомъ землю обновляя,
Себя обрядомъ этимъ чтитъ.
Куда жь свое зерно живое,
Куда ты, человѣкъ, несешь?
Ты въ прахѣ видишь все святое,
А въ жизни видишь зло и ложь,
Безбрачье и раздоръ ласкаешь,
Младенцемъ ты не дорожишь,

И лишь къ нему главу склоняешь,
Когда его не воскресишь.
Надъ матерью, отцомъ смѣешься,
Зачѣмъ создали не спросясь,
А самъ, какъ съ жизнію сочтешься,
Сказать не смѣешь, не страшась,
И уносясь мечтою гордой,
Летишь въ заоблочную даль,
А предъ тобой преградой твердой
Вездѣ ошибка и печаль.
И нигилизмомъ увлекаясь,
Ошибки общества клеймишь,
Какимъ-то творчествомъ прельщаясь,
Ты все порочишь и хулишь.
За интересъ держась рукою,
Ты міръ готовъ пересоздать
И къ жертвѣ становясь спиною,
Ты хочешь истину узнать.
Поймай же червяка скорѣе,
Любуйся лучше на коконъ,
И будь въ желаніяхъ скромнѣе:
Изъ червяка не выйдетъ слонъ.

Петергофъ, январь 1871 г.

БАБОЧКА И МУРАВЕЙ.

Самолюбивый, добрый, честный,
Такимъ давно и всѣмъ извѣстный
Знакомый общій, муравей,
Забывъ обычный свой порядокъ
И скромный трудъ, и ну скорѣй
Бѣжать, стремится безъ оглядокъ.
Куда? — Вотъ этотъ я вопросъ,
Друзья, хочу вамъ разъяснить,
И жизни нашей весь хаосъ
Яснѣе вамъ изобразить:
Однажды, ужь тому давно,
Бѣдняжка, старый муравей,
Трудясь, забрался на окно,
Чтобъ дѣлать дѣло посвѣтлѣй:
Глядитъ, весна ужь на дворѣ
И солнце грѣетъ и блеститъ,
Букашекъ, мушекъ на зарѣ,
Какъ лѣтомъ, множество жужжитъ.
Красотка бабочка летаетъ
По воздуху, какъ по волнамъ,

Свой гибкій станъ, какъ челнъ качаетъ,
Мелькнетъ то здѣсь, то сядетъ тамъ.
Лишь муравей ее увидѣлъ,
Смутился вдругъ, оторопѣлъ,
Мгновенно трудъ возненавидѣлъ,
О чемъ онъ прежде такъ радѣлъ.
Безъ сна проводитъ цѣлы ночи,
Не ѣстъ, не спитъ, грустить, вздыхаетъ,
Померкли и потухли очи,
Покою муравей не знаетъ.
Смѣшно, какъ будто муравейникъ
Такъ бѣденъ самъ, иль муравей
Большой ужь вѣрно былъ затѣйникъ.
Любить хотѣлъ онъ понѣжнѣй.
Ну, словомъ, хорошо ли, худо,
Выходитъ то, что мой чудакъ,
Забывши обо всемъ покуда,
Вступить въ законный хочетъ бракъ,
Не съ кѣмъ, какъ съ бабочкой.
Смѣетесь? не смѣйтесь, худшаго добьетесь.
Онъ говоритъ ей: ты прекрасна,
Прелестна, сжалься надо мной,
Судьба моя тебѣ подвластна —
Будь, бабочка, моей женой.
Я буду для тебя трудиться
И день и ночь, не ѣсть, не спать,
Чтобъ не пришлось тебѣ стыдиться
И отъ другихъ бы отставать.
Цвѣтовъ, вѣдь, нѣтъ у васъ зимою,
Гдѣ жь кормъ себѣ ты обрѣтешь?

Но, бывъ моей, душа, женою,
Отъ голода ты не умрешь.
Смутилась бабочка, въ испугѣ
Не знала, что и отвѣчать,
Изъ вѣжливости, на досугѣ,
Ему рѣшилась написать:
«Я васъ люблю и уважаю,
По истинѣ вамъ говорю,
Но быть женою не желаю;
На васъ, какъ друга я смотрю».
Озлился строгій муравей.
Изъ самолюбья скрылъ досаду,
Стыдясь неловкости своей,
Давай устроивать засаду:
Проходитъ мѣсяцъ, ждетъ спокойно,
Проходитъ два — все тотъ же онъ,
Ведетъ себя благопристойно
И будто бы онъ не влюбленъ.
А бабочка межъ тѣмъ худѣетъ,
Летаетъ меньше, все груститъ,
И крылышки на ней блѣднѣютъ,
На все съ боязнію глядитъ.
Тутъ муравей давай уловки:
Цвѣтокъ подкинетъ, тамъ другой,
Иль кой-какія шлетъ обновки,
Чтобъ подразнить ее красой.
За милое къ себѣ вниманье,
Не знаетъ бабочка, что мнить,
И въ знакъ живаго состраданья,
Готова муравья любить.

Хоть хочетъ полюбить — не можетъ.
И добръ, любезенъ муравей,
Но сердце бабочкино гложетъ,
Что чувствъ не вызоветъ сильнѣй.
Но слово ужь дано, рѣшилась,
День свадьбы ужь опредѣленъ,
Въ душѣ краснѣла и стыдилась —
Вотъ участь многихъ въ свѣтѣ женъ.
Связали, ужь не развязаться;
Вотъ бракъ; счастливый муравей...
Хоть любишь ты другихъ сильнѣй,
Но слѣпъ ты, надобно признаться.

РЕВЕЛЬ.

1854 г.

Давно-ль спокойно, тихо, мирно,
И все враждебное забывъ,
Заботамъ жизни безпрерывно
Ты предавался молчаливъ.
И берегъ твой, давно ли скромный,
Куда одинъ потокъ воды,
Одинъ спѣшилъ всегда бездомный,
Съ разсвѣтомъ дня до поздней мглы.
Когда стремительной волной
О грунтъ песчаный разсыпаясь,
Когда спокойною струей
Едва-едва земли касаясь.
И все скажи, давно-ль вокругъ
Привольно счастіемъ дышало?..
И что же? Надъ тобою вдругъ
Угроза смерти прозвучала:
Ты былъ судьбою обреченъ
На жертву золъ и страшныхъ бѣдъ,
Конецъ твой былъ опредѣленъ —
Такъ на тебя смотрѣлъ весь свѣтъ.

Покорный волѣ Провидѣнья,
Ты не жалѣлъ трудовъ и силъ,
Въ трудѣ нашелъ свое спасенье
И трудъ надежду воскресилъ.
Давно-ль еще съ печальной думой
Другъ друга каждый оставлялъ
И недовѣрчивый, угрюмый,
Извѣстій страшныхъ ожидалъ?
Теперь своей защитой твердой
Сковалъ ты грудь свою и ждешь
Съ надеждой полною, что сильный
Враговъ съ позоромъ оттолкнешь
Всегда воспоминаньемъ славный,
Ты утѣшалъ своихъ сыновъ,
Но жизнью мирной и отрадной
Ты не былъ страшенъ для враговъ.
Теперь гордися величавый,
Ты смѣло встрѣтишься съ бѣдой,
И вражій помыселъ лукавый
Ничтоженъ, жалокъ предъ тобой.
Гордись, гордися городъ грозный,
Смутилъ враговъ тщеславный умъ,
И смѣйся, смѣйся ты серьёзный,
Надъ нерѣшительностью думъ.
Безъ злобы, мести и волненья
На берегъ твой я не гляжу
И скрыть не въ силахъ нетерпѣнья —
По валу съ гордостью хожу.
Такъ высылай судьба живѣе
Коварству преданныхъ сыновъ,

Широкій къ славѣ путь скорѣе
Открой намъ смертію враговъ.
И памятникъ ты намъ воздвигни
Побѣднымъ кликомъ надъ грозой
И ты, о, гордый врагъ, поникни
Предъ славной русскою звѣздой.
Пусть юноша, старикъ, младенецъ,
Въ одинъ всѣ голосъ возвѣстятъ,
Что палъ здѣсь дерзкій иноземецъ,
И славу русскихъ возгласятъ.
О, еслибъ день сей совершился,
Какъ счастливъ былъ бы ты тогда,
Какой бы славою покрылся
Изъ вѣка въ вѣкъ и навсегда
Въ день годовщины, часъ веселья,
О томъ бы каждый повторялъ,
И полный чувствомъ восхищенья,
Твой подвигъ гордо вспоминалъ.

МИНУТА ГНѢВА.

Не требовалъ я состоянья,
Душой былъ вашей восхищенъ,
Не ждалъ другаго воздаянья,
И силой духа былъ прельщенъ.
За вами шелъ я безъ оглядокъ,
Въ васъ умъ и сердце находилъ,
Смѣшался мыслей весь порядокъ
И я васъ страстно полюбилъ.
Глубокое ко мнѣ довѣрье
Внушило гордость, и душа
Отвыкла вмигъ отъ лицемѣрья,
И жизнь была мнѣ хороша.
Работать, мучиться, трудиться
Мнѣ было ново, но легко,
И жизни пустотой томиться
Мнѣ странно было; глубоко
Я понималъ свое призванье,
И къ жертвѣ приготовилъ умъ,
И отъ души платилъ признаньемъ
За вѣру въ честность моихъ думъ.

За ваше лестное рѣшенье,
Что я, какъ мужъ и человѣкъ,
Заслуживаю уваженье —
За эту мысль трудился бъ вѣкъ.
Теперь исчезло восхищенье,
И прежній дѣтскій, юный пылъ
Смѣнился тономъ наставленья,
Вамъ міръ, казалось, опостылъ.
Прельщаясь блескомъ, новизною...
Нарядъ лишь блескомъ только милъ,
И дешево-ль онъ сшитъ иглою —
Онъ купленъ, я васъ не купилъ...

9-го октября 1867 г.

ДАЛЬ.

Кто смотритъ въ даль, безпечнымъ взоромъ
Объемля свѣтлый небосклонъ,
Предъ кѣмъ рисуются узоромъ
Лишь облака, мѣняя тонъ;
Предъ кѣмъ поля въ дали скругляясь,
Лишь падаютъ въ небесный сводъ
И съ далью синей даль встрѣчаясь,
Кого съ собою не зоветъ —
Повѣрьте, тотъ не вѣдалъ счастья,
Хотя не зналъ онъ и заботъ,
И жизнь такая, что ненастье,
Тотъ прозябаетъ, не живетъ.

9-го ноября 1864 г.

ЯТСРЕБЪ.

Любуюсь всегда ястребинымъ полетомъ,
Я глазъ отъ него не могу оторвать,
Лишь только увижу — конецъ всѣмъ заботамъ
И ястреба только готовъ величать:
Ничто не сравнится съ его горделивымъ,
И смѣлымъ качаньемъ въ лазурной дали,
Крылами махаетъ, размахомъ красивымъ
И плавно плыветъ, какъ плывутъ корабли
И кто такъ съ природой легко породнился,
И въ сферѣ своей властелинъ и могучъ,
Съ восторгомъ невольно природѣ дивился —
Великъ ты творенья живительный лучъ!

Ворошнево, 23-го августа 1865 г.

ЛѢСНИЧІЙ.

Въ избушкѣ простой,
Подъ опушкой лѣсной,
Лѣсничій свой вѣкъ проживаетъ.

Ни время, ни холодъ
Зимою, весной
Трудиться ему не мѣшаютъ.

Хоть трудъ не великъ,
Но, вѣдь, кто не привыкъ,
На жизнь бы его не рѣшился

И лѣсомъ боялся бъ
Идти на прямикъ
И въ чащу кустовъ не забился.

Лѣсничій не трусъ,
Такъ и лѣсъ сбереженъ,
Чрезъ сучья и вѣтви шагаетъ.

Лѣсничему лѣсъ
Весь на честь порученъ,
Въ немъ честь онъ свою сберегаетъ.

Сухія, безплодныя
Вѣтви стрижетъ
И снизу стволы подчищаетъ,

Пусть глаже и выше
Всѣхъ лѣсъ мой ростетъ,
И вѣтви пышнѣй растилаетъ.

Лѣтъ сорокъ, въ избушкѣ,
Лѣсничій живетъ,
И лѣсъ-то его, что мачтовый.

Высокъ да и прямъ,
Да и кто не рубнетъ —
Заводитъ топоръ себѣ новый.

Лѣсъ крѣпокъ и силенъ,
И вѣтръ не беретъ,
Лишь въ бурю верхушки качаетъ.

Лѣсничій гордится,
Кругомъ обойдетъ
И глазъ съ высоты не спускаетъ.

И всякій себѣ,
Что лѣсничій въ лѣсу,
Пусть сучья сухіе срѣзаетъ

И честныхъ лишь чувствъ
Пусть одну красоту
Одну разцвѣтать оставляетъ.

И выростетъ сердце
Всѣхъ выше вѣтвей,
Предъ правдой одной преклоняясь.

И сбросивъ обломки
Негодныхъ страстей,
Высоко небесъ прикасаясь!..

Ворошнево, ноябрь 1865 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. А...

Давно въ альбомъ я не писалъ
Пріятныхъ словъ, въ томъ мало толку,
И никому не посвящалъ
Восторгъ, иль съ жизнію размолвку.
Теперь опять пришла пора,
Хотя безсильно вдохновенье
И прежнихъ юныхъ дней заря
Не обагряетъ мое пѣнье;
Но и послѣдній часто лучъ,
Пока вдругъ тьма не наступила,
Опасенъ также, также жгучъ —
Страшна предъ смертью часто сила.
Не льщу я вамъ, зачѣмъ же льстить?
Скажу одно простое слово:
Васъ можно истинно любить,
Въ васъ столько милаго, святого.

1-го іюля 1862 г.

ЧЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА.

Что въ жизни было лишь мечтой,
Что въ юности надеждой было,
Осуществила ты собой —
Мечту дѣйствительность смѣнила.
Кого, скажи, благодарить
За посланное въ жизни счастье?
Предъ кѣмъ колѣна преклонить
За теплый лучъ среди ненастья?
Тебя, тебя благодарю,
Ты сердцемъ сердце мнѣ согрѣла,
На жизнь съ любовію смотрю —
Ее украсить ты умѣла.
Цѣлуя руки твои, грудь,
Ты поцѣлуи не считала,
Ты не умѣла бъ обмануть —
Уста устами сожигала —
Твой поцѣлуй одинъ звучалъ,
Въ уединеньи раздаваясь,
И онъ мечту не отравлялъ,
Червонцевъ звукомъ замѣняясь.

Ты не умѣла оскорблять
И обижать въ себѣ природу,
Ты не умѣла торговать,
Во всемъ стѣсняя чувствъ свободу.
Цвѣти, гордись и украшай
Собою жизнь и человѣка
И чувствъ своихъ не продавай,
Среди торгующаго вѣка.

1864 г.

*
* *

Дорогой, въ глуши, среди сумрака ночи,
Въ лѣсу ли, вдаваясь все въ чащу вѣтвей,
Мой путь освѣщаютъ твои только очи,
Вездѣ и повсюду мнѣ съ ними свѣтлѣй.
Усталый, съ работы домой возвращаясь,
Твой образъ всегда провожаетъ меня;
Я имъ, какъ ребенокъ игрушкой, прельщаюсь
И кротко мирюсь съ безпокойствіемъ дня.
Тебѣ всѣ усилья труда и защиты
Всю жизнь и всю кровь я-бъ хотѣлъ посвятить,
И сердце мое для тебя лишь открыто,
Тебя люблю и вѣкъ буду любить.

1863 г.

ПОСВ. М.....

Еще три строчки средь другихъ
Пусть будутъ выраженьемъ чувства,
Минутъ по истинѣ святыхъ
При видѣ вашего искусства:
Въ немъ творчество и простота,
Въ немъ жизнь, святое благородство,
Въ немъ нравственная чистота,
И есть ли на землѣ съ нимъ сходство.
Мечту никто изобразить
Не могъ намъ лучше и милѣе
И кто въ движеньяхъ оживитъ
Эмблему граціи милѣе.
На сценѣ вы, какъ огонекъ,
Безъ васъ все темно, потухаетъ,
Явились вы, онъ все зажогъ
И всюду искры разсыпаетъ.
Блестите же, нашъ идеалъ,
Гори звѣзда огнемъ небеснымъ,
Что міръ искалъ, о чемъ мечталъ —
Талантъ вашъ выразилъ прелестно.

Петергофъ, 17-го ноября 1864 г.

МУЗЫКА.

Съ французскаго стихотворенія князя Николая Борисовича Голицына.

Тебѣ, о, музыка святая,
Я гимнъ хвалебный приношу,
И предъ тобой главу склоняя,
Въ тебѣ величье нахожу.
Въ тебѣ одной нелицемѣрно
Блаженство смертному дано
И каждый чувствуетъ смиренно
Въ ней прелесть, счастье лишь одно.
Согласье звуковъ вдохновенныхъ
Восторгомъ душу веселитъ
И чувствомъ нѣжнымъ упоенныхъ,
Какъ электричествомъ разитъ.
Всю душу къ небу превозноситъ
И наполняетъ грудь огнемъ,
Въ иной и міръ какъ бы уноситъ
И жить васъ заставляетъ въ немъ.
Что̀ жь эти звуки? Не имѣя
Фигуры общей здѣсь всему,
Насъ заставляетъ жить сильнѣе
И зажигаетъ въ насъ мечту.

Искусство это вызываетъ
И стонъ и крикъ живой души,
Оно предъ нами раскрываетъ
Міры духовъ въ своей тиши.
Эмблема счастья всесвятаго
Одна могла-бъ изобразить
Блаженство міра неземнаго
И намъ о немъ лишь говорить.
Не безъ сокровищъ безконечныхъ,
Въ тебѣ залогъ, прелестный даръ,
И связь съ землей небесъ превѣчныхъ
Слилась въ тебѣ средь дивныхъ чаръ.
Тому доступныхъ и понятныхъ,
Въ комъ не остыла еще кровь,
Во звукахъ музыки невнятныхъ
Все понимаетъ лишь любовь!
Изгибамъ сердца выраженье
И ѳбразъ прошлому даешь,
Въ псалмахъ Давида поученье
О церкви намъ передаешь.
Наивность сердца, гордость духа,
О нихъ ты ясно говоришь,
Лаская душу, чувство слуха,
Ты съ небомъ смертнаго миришь.
Что если духъ освобожденный
Отъ всѣхъ земныхъ своихъ оковъ,
На небеса вдругъ вознесенный,
Услышитъ гимнъ изъ облаковъ?..
Тотъ гимнъ лишь ангеловъ небесныхъ,
Хваленье Божьему добру,

Въ созвучьяхъ нѣжныхъ и прелестныхъ
Гимнъ силѣ Божьей, торжеству.
О, въ этотъ мигъ завѣса ночи
Ниспала-бъ съ мрачныхъ облаковъ,
Что слухъ не зналъ, не зрѣли очи,
Предстало-бъ въ торжествѣ даровъ.
И звуки музыки чудесной
Велѣньемъ Бога раздались,
Призваннымъ къ жизни лишь небесной,
Для нихъ бы съ торжествомъ лились.
Предайся духъ мой наслажденью,
Въ чемъ Богъ здѣсь смертному послалъ,
Онъ добродѣтель и смиренье
Во звукахъ музыки намъ далъ.
И развивая даръ священный,
Ты, смертный, къ небу устремись,
Себѣ присвоя міръ блаженный,
Вѣнцомъ небеснымъ возгордись.

Хуторъ Юрьевъ, 7-го февраля 1867 г.

* * *

О, не завидуйте короткой
Минутной радости моей,
Съ душою любящей и кроткой
Стою у вашихъ я дверей
И съ обнаженной головою
Я жду угрозу и призывъ.
Предъ правдой, волею мірскою
Ничтоженъ гордости порывъ.

*
* *

Намъ рѣдко слава здѣсь дается,
Хоть зарождается при насъ;
Но блескъ ея лишь разольется,
Когда настанетъ смерти часъ.
И звонъ услыша похоронный,
Мы скажемъ: «Настаетъ пора
И трудъ подчтится благотворный
Поэта, пахаря, Царя!»

ПОЭМА

МАРІЯ.

ГЛАВА I.

Въ одномъ изъ городовъ Украйны,
Неподалеку отъ Днѣпра
Построенъ домъ. Въ немъ все, какъ тайна:
Безмолвенъ съ утра до утра.
Не видно въ немъ тревогъ, волненья,
Въ немъ будто люди не живутъ;
Веселость, радость, жизнь, движенье,
Его воротъ какъ бы бѣгутъ.
А между тѣмъ, съ своей подругой
Въ немъ жилъ старикъ, и дряхлъ и сѣдъ;
Онъ съ юной милою супругой
Забылъ людей, забылъ весь свѣтъ.

Внутри покоевъ нѣтъ убранства,
Одинъ лишь маятникъ стучитъ,
Стѣнъ обнаженное пространство
Ни мало взоръ не веселитъ.

Перегородка небольшая
Жилье ихъ дѣлитъ пополамъ,
Въ углахъ лампады, не сгорая,
Свой свѣтъ бросаютъ образамъ.
Сидитъ задумчиво въ смятеньи
Марія, юная жена,
Въ груди ея тоска, мученье,
Болитъ, грустить ея душа;
Ея суровость выраженья,
Враждуетъ съ юною красой,
Въ ней видно твердое рѣшенье
И сила власти надъ собой.
Старикъ тревожно изумленный
На спутницу свою глядѣлъ,
Холоднымъ видомъ пораженный,
Прервать молчаніе не смѣлъ.

МАРІЯ.

Пусти меня. Насъ Богъ разсудитъ —
Я жить съ тобою не могу.
Я отдалась Ему; что будетъ,
Не знаю я, но я бѣгу.

СТАРИКЪ.

Останься, милая Марія,
И не смущай себя враждой,
Прими раскаянья живыя
И сжалься, другъ мой, надо мной.

Люблю тебя я больше жизни,
Прости меня, не убивай,
Забудь, оставь ты укоризны,
Меня разлукой не пугай.

МАРІЯ.

Богъ примиритъ меня съ тобою,
Ему молиться я иду;
Иду, разбитая душою —
Въ молитвѣ твердость я найду.

Открылась дверь, туманъ вечерній
Упалъ и сѣни оросилъ,
И на порогѣ шумъ послѣдній
Умолкъ. Маріи слѣдъ простылъ.

СТАРИКЪ.

Останься... Боже, что̀ со мною,
За что же казнь послалъ ты мнѣ?
Въ ней связь послѣднюю съ землею
Ты умертвилъ въ больной душѣ.
Что жизнь? Что буду безъ Маріи?
Гдѣ я найду себѣ пріютъ?
И волоса мои сѣдые
Ни въ комъ участья не найдутъ.

И трепетъ душу всю объемлетъ,
Дрожу отъ страха и стыда,
И бѣдному никто не внемлетъ!
Ушла... бѣжитъ... куда, куда?..

Такъ говорилъ старикъ смущенный;
Онъ понялъ скорбь и свой позоръ.
Сознаньемъ весь, какъ пристыженный
Онъ произнесъ свой приговоръ:
«О, страшно мнѣ воспоминанье
Упрековъ ревности моей...
Я ей грозилъ безъ состраданья,
Пугая дерзостью рѣчей...
Ребенокъ бѣдный! я забылся,
И страстью разумъ заглушилъ,
Не понималъ тебя, сердился,
Въ тебѣ веселость всю убилъ.
Прости упрекъ иль обвиненье.
Но ты далеко!.. гдѣ? скажи?
Куда бѣжать?.. О, стыдъ, мученье!
Что̀ дѣлать, Боже! укажи?
Къ кому мнѣ съ просьбой обратиться?
Кто можетъ горю пособить?
Краснѣть я долженъ и стыдиться —
Прошла пора моя любить.
И странно ль, что меня боялась
Марія, нѣжное дитя,
И сѣдиною не прельщалась,
Скрывала чувства отъ меня.

Теперь ей цѣну только знаю,
Цѣню я каждый ея взоръ...
О, ревность, пытка... я страдаю —
Судьбы ужасенъ приговоръ!
Какъ все зимой вокругъ нѣмѣетъ,
Какъ все живитъ весенній лучъ,
Такъ поцалуй мой ужь не грѣетъ,
И лишь въ устахъ онъ юныхъ жгучь...
Увлекся я, теперь все вижу,
Сознанье шлю я ей во слѣдъ,
И лишь «прощаю» я услышу,
Снесу ударъ жестокихъ бѣдъ »

Открылась дверь, въ покои старца
Красивый юноша взошелъ,
Горѣли щеки отъ румянца
И рѣчь онъ съ старикомъ завелъ.

ЮНОША.

— О чемъ, скажи, ты такъ тоскуешь?
Что такъ тревоженъ и угрюмъ?
Молчаньемъ ты меня волнуешь,
Скажи причину мрачныхъ думъ.

СТАРИКЪ.

А, это ты! О, какъ ты молодъ!
Зачѣмъ ты такъ красивъ собой?

Зачѣмъ года и жизни холодъ
Не исказили образъ твой?
Уйди скорѣй, зачѣмъ смѣешься?
Зачѣмъ такъ смотришь на меня?
Насмѣшкою ты изольешься,
Узнавъ, въ чемъ грусти тайна вся!..

ЮНОША.

О, будь довѣрчивъ, успокойся,
Мнѣ рано желчнымъ, злобнымъ быть,
И взоровъ ты моихъ не бойся —
Умѣю старость въ людяхъ чтить.
А гдѣ, скажи, твоя подруга?
Не вижу дома я ее.
Ужь часъ вечерній, часъ досуга ..
Что̀ жь не отвѣтишь ничего?

СТАРИКЪ.

О, сжалься, юноша прекрасный,
Надъ бѣдной старостью моей,
Твои слова, что день ненастный —
Забудь вопросъ твой поскорѣй.
Не спрашивай, молчи, обидно
Участіе твоихъ рѣчей;
Гляди и смѣйся, какъ обильно
Горячихъ слезъ бѣжитъ ручей.
Я оскорбилъ ее глубоко,
Измучилъ ревностью своей,

И въ монастырь она далеко
Ушла отъ ярости моей.

ЮНОША.

Она ушла, въ такую пору!
Зачѣмъ же ты ее пустилъ?
Вотъ до чего довелъ ты ссору,
Зачѣмъ ее такъ оскорбилъ?
О, старецъ, старецъ, какъ не стыдно!
Какъ ты жестоко поступалъ!
Какъ другу, горько мнѣ, обидно,
Ее я чтилъ и уважалъ.
Ужель не видѣлъ постоянно,
Глаза, исполненные слезъ?
Всегда въ нихъ отражались явно
Слѣды упрековъ и угрозъ.
И рѣдко рѣзвую веселость
Въ ея чертахъ я замѣчалъ,
Всегда какая-то холодность,
Въ нихъ быстро пламень потухалъ.
Зачѣмъ подругою ребенка,
Настойчиво, упорно взялъ?
Вѣдь, ты страшилъ, какъ волкъ ягненка,
Какъ кошка съ мышкой ты игралъ...
Когда ты видишь, что вплетаютъ
Сѣдины въ черную косу,
Они красу лишь истребляютъ,
Пугая юную мечту.

За что жь тебѣ въ томъ исключенье?
Марію мало ты любилъ,
Ты страсти зналъ лишь увлеченье,
Но сердцемъ для нея не жилъ.
Когда блаженство ты земное
Изъ устъ прекрасныхъ жадно пилъ,
За что жь дитя ты молодое,
Какъ деспотъ, вдругъ поработилъ?
Зачѣмъ ты не давалъ развиться
Подругѣ нѣжной, молодой?
Ей такъ пристало веселиться,
Въ ней столько прелести живой.
Не зналъ людей ты, вѣрно, слабость?
Ты съ женской незнакомъ душой,
Не понялъ ихъ борьбу и сладость
Помѣриться своей красой?
Марію Богъ вѣнчалъ красою,
А ты красу уничтожалъ,
Своей ревнивою душою
Ты даръ небесный истреблялъ.
Себѣ въ защиту ждалъ ты время,
Хотѣлъ привычкой все сковать,
Не облегчилъ ты этимъ бремя —
О, трудно сердце обуздать!
Судьбѣ злосчастной лишь послушна,
Свой долгъ Марія соблюла,
Но ей въ объятьяхъ было душно,
Вѣнецъ мучительный несла.
Я не смѣюся надъ тобой,
Скорблю я также, какъ и ты...

Повѣрь, съ разбитою душою
Я чувства высказалъ свои.

СТАРИКЪ.

Не отнимай послѣдней силы,
Упрекомъ горю не помочь;
Ужь близокъ путь мой до могилы,
И день темнѣе мой, чѣмъ ночь.

* * *

Одѣлся свѣтлою зарею
Украйны чистый небосклонъ,
Вдали раздался надъ землею
Протяжный колокольный звонъ.
Туманъ разсѣялся мгновенно,
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ.
Все ближе, ближе постепенно,
Виднѣлось зданіе съ крестомъ.
Во храмъ, обитель жизни тихой,
Марія устремила путь,
Терпѣла холодъ степью дикой
И не хотѣла отдохнуть.
Въ монастырѣ къ вратамъ ограды
Привратникъ тихо подходилъ,
Гостепріимно и съ отрадой
Въ обитель странницу впустилъ.
Къ игуменьѣ Марія въ келью
Предстала скромною сестрой,

Смиренно внемлетъ наставленью,
Съ молитвой, вѣрой и слезой,
Вѣрна уставу и послушна,
Она спокойно жизнь ведетъ,
Молиться Богу ей не скучно —
Съ усердіемъ Его зоветъ.

ГЛАВА II.

МАРІЯ.

Грѣшно въ обители священной,
Принявъ послушницы обѣтъ,
Мечтать о жизни нашей тлѣнной,
Припоминать забытый свѣтъ;
Мнѣ снится все какой-то праздникъ,
И шумъ и рѣзвый разговоръ,
И пѣснь одна какъ будто дразнитъ
Ее поетъ мнѣ звучный хоръ.

Мужа стараго,
Мужа дряхлаго,
На груди своей
Ты лелѣяла.

Не любила ты
Мужа стараго,
И тоскою все
Сердцу вѣяло.

Твоя матушка,
Твоя добрая,
На свою бѣду
Вдругъ ошиблася.

О зачѣмъ она,
Не подумавши,
За мужъ дочь отдать
Согласилася!

Богъ проститъ ее...
Въ монастырь пойдешь,
Тамъ святымъ отцамъ
Ты поклонишься.

Грусть пройдетъ твоя,
Сиротинушка,
Коль за матушку
Ты помолишься!

Сіяетъ солнце на равнинѣ,
Все тихо вкругъ монастыря,
Лишь птичекъ хоръ, какъ гимнъ, въ долинѣ
Поетъ небеснаго Царя.
Марія смотритъ за ограду,
Мгновенно пѣнье позабывъ,
Боится выразить отраду,
Скрываетъ чувствъ своихъ порывъ...

Къ оградѣ прямо, торопливо,
Какой-то странникъ подходилъ,
Съ тревожнымъ видомъ, молчаливо,
Онъ взоръ къ Маріи устремилъ.

ЮНОША.

Не уходи, сестра, съ смущеньемъ,
Ужель меня не узнаешь?
Я привлеченъ твоимъ былъ пѣньемъ;
Ужель ты друга оттолкнешь?

МАРІЯ.

Не оскорбляй меня, напрасно
Ты думаешь такъ обо мнѣ...
Смотри, горитъ какъ церковь ясно
Такъ въ сердцѣ память о тебѣ.
Но знай, уставъ не позволяетъ
Мнѣ здѣсь бесѣдовать съ тобой,
И я боюсь, когда узнаютъ,
Прослыть нескромною сестрой.
Уйди, прошу, изъ состраданья,
Болитъ душа моя и грудь...
Не растравляй воспоминанья —
Скорѣй прошедшее забудь!

ЮНОША.

Клянусь, что нѣтъ тебя скромнѣе,
Ты здѣсь скромнѣе всѣхъ, повѣрь,
И можешь смѣло, не краснѣя,
Мнѣ отворить въ ограду дверь.
Въ одеждѣ странника, молиться
Пришелъ усердно я сюда;
Кто жь можетъ въ этомъ усомниться
И упрекнуть за то тебя?
Обѣда часъ еще не скоро
Въ трапезную васъ созоветъ;
Не избѣгай же разговора,
Онъ зла тебѣ не принесетъ.
Пришелъ открыть тебѣ всю тайну,
Марія, выслушай меня,
Не даромъ долго по Украйнѣ
Ходилъ, искалъ вездѣ тебя.
Твой мужъ, я знаю, согласился
Отдать свободу всю тебѣ.
Въ уединеньи онъ рѣшился
Искать спокойствія душѣ.
Свободна ты теперь, Марія,
Меня смущеньемъ не пугай,
И чувства нѣжныя, святыя
Ты сердцу юноши отдай.
О! вспомни скромное терпѣнье,
Любви покорной и нѣмой,

Тоску, страданья и мученья
Души тревожной и больной!
Какъ я любилъ тебя, Марія!
Зачѣмъ страшишься моихъ словъ?
Слова любви — они святыя,
Въ монастырѣ имъ нѣтъ оковъ.
Я вижу, ты не понимаешь,
О чемъ тебѣ я говорю:
Иль ты нарочно все скрываешь,
И смотришь, какъ на суету?
Будь откровеннѣе, Марія,
Недоумѣньемъ не терзай —
Ужели чувства молодыя
Сковалъ ужь холодъ? Отвѣчай.
Скажи скорѣй, не ждетъ насъ время.
Ужель я долженъ все страдать?
Сразить одна ты можешь бремя
И цѣпи тяжкія сорвать.
Какъ я горжусь тебѣ признаться,
Что я душой тебя любилъ!
Мнѣ грустно было притворяться
И маску я съ трудомъ носилъ...
Грѣшно тебѣ — ты безъ вниманья
Какъ будто слушаешь меня...
Иль нѣтъ въ тебѣ ужь состраданья
И смотришь ты на все шутя?
Бѣги со мной, бѣги скорѣе,
Будь тверже и сильнѣй душой,
Будь состраданіемъ милѣе
И жертву не топчи ногой.

МАРІЯ.

Не увлекай меня соблазномъ
Кипящихъ страстію рѣчей,
Путемъ давно однообразнымъ
Не встрѣчу я счастливыхъ дней!
Страшусь я чувствамъ предаваться,
Желать, надѣяться боюсь;
Я не умѣю притворяться
И красотою не горжусь.
Кажусь тебѣ я равнодушной,
Но въ сердцѣ страхъ, тоска, борьба,
Смотри, горитъ мой лобъ, мнѣ душно,
Едва я слушаю тебя...
Я молодому сердцу вѣрю,
Я искренность твою цѣню,
Я сознаю твою потерю
И Бога о тебѣ молю!..
Ошибся ты, уединенье
Отъ страшныхъ бѣдъ насъ не спасетъ
И снова къ жизни пробужденье
Моей тоски усилитъ гнетъ.
Ты мужа моего не знаешь,
Онъ грубъ и вспыльчивъ и жестокъ:
Зачѣмъ обоихъ подвергаешь
Терпѣть страданье и упрекъ.
Готовъ онъ прямо въ мою келью
Явиться грознымъ палачемъ,
Не пощадитъ мое моленье —

Порывъ ревнивый страшенъ въ немъ.
Не говори, забудь, любовью
Намъ вѣрно сердце не ласкать,
Ты не искупишь своей кровью,
Что мнѣ назначено страдать.
А свѣтъ, а люди что̀ же скажутъ?
Терновый мнѣ сплетутъ вѣнецъ,
Молвой постыдною накажутъ —
Позоренъ будетъ мой конецъ...
О, Боже! Боже! дай мнѣ силу,
Дай твердость ты рабѣ своей!
Мой путь въ холодную могилу
Свѣтлѣй, чѣмъ участь моихъ дней.
Повѣрь, мой другъ, все умираетъ,
Пройдетъ и горе, я умру —
Одна молва не умолкаетъ —
Прости же гордую сестру.
Ты, можетъ, вспомнишь съ умиленьемъ,
Что долгъ я твердо свой несла,
И ношу скорби я съ терпѣньемъ
У камня гроба отдала.

1858 г.

СЕДЬМОЕ НЕБО.

ФАНТАЗІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ И ДВУХЪ КАРТИНАХЪ.

1871 года.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мужъ — Владиміръ Николаевичъ.
Жена — Вѣра Александровна.
Видѣнье.
Гости.

Сцена представляетъ спальню; тусклый свѣтъ освѣщаетъ комнату. У стѣны стоитъ постель, напротивъ диванъ, на которомъ лежитъ подушка; жена сидитъ около постели, мужъ на диванѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мужъ и жена.

ЖЕНА.

Не упрекай меня напрасно,
Меня все будущность страшитъ,
Здѣсь на землѣ намъ все опасно,
Здѣсь все обманомъ говоритъ.
О, я люблю тебя, ты знаешь,
За то не можешь упрекать —
Я, вѣдь, твоя — ты понимаешь,
Чего же намъ еще желать?..

МУЖЪ.

Конечно, такъ, но все же странно
Смотря на всѣхъ, какъ всѣ живутъ,
И на себя взглянуть забавно —
Меня глупцомъ лишь назовутъ.
Съ особенной ты точки зрѣнья
На жизнь глядишь, дружочикъ мой,
Но мнѣ въ томъ мало утѣшенья
И пользы ровно никакой. *(Жена дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія).*

Но, впрочемъ, если такъ воздушно,
Душа моя, ты создана,
Казаться не могу бездушнымъ —
Спи, Богъ съ тобой, моя жена. *(Снимаетъ сюртукъ, ложится на диванъ, закрывается одѣяломъ; чрезъ нѣсколько времени просыпается).*

О какъ мила, но умиленно
Лишь долженъ на нее смотрѣть,
Скажу, однакожь, откровенно,
Не во время пришлось говѣть.
О, женщины! Къ чему Создатель
Васъ сотворилъ? Но мнѣ-ль рѣшить?
До сихъ поръ все я былъ мечтатель,
Попробую я покутить.
Узнаю — долго-ль въ райскомъ мірѣ
Съ подругой неземною жить —
Я будто плавою въ эѳирѣ

Усталъ мечтою я любить.
Но справедливо ли роптанье? *(Насмѣшливо)*
Жена, вѣдь, любитъ такъ меня,
Я съ ней дѣлю любви дыханье,
Она здѣсь спитъ, а возлѣ — я.
Она сказала мнѣ, что счастье
Не въ страсти нѣжной состоитъ;
Что страсть порокъ и самовластье,
Безумство мужа говоритъ.
Я вѣрю, да нельзя не вѣрить
Такому ангелу женѣ;
Я долженъ самъ понять, измѣрить,
Какъ много чувствъ въ ея душѣ.
И я согласенъ, обожанье,
Вотъ слово истинной любви,
Дѣтей имѣть, о наказанье!
Ахъ, срамъ какой! Не правда-ль? Фи!..
Я вѣрю, да не всѣ женою,
Какъ я, умѣли запастись:
Вотъ женщина, такъ ужь съ душою:
Ей цѣлый день лишь ты молись.
Смотрите, что̀? Неправда-ль, чудо?!..
Спи, ангельчикъ мой, спи — агу.
Но мнѣ не спится, вотъ что̀ худо —
Никакъ заснуть я не могу. *(Желая заснуть, снова ложится; жена встаетъ и подходитъ къ мужу).*

ЖЕНА.

Мой другъ, ты спалъ? И я заснула
Такъ крѣпко, право, и всю ночь
Я и рукой не шевельнула:
Пора вставать, иди же прочь.

МУЖЪ.

Ужь время, да, теперь навѣрно
Десятый скоро будетъ часъ,
А я, дружокъ мой, спалъ такъ скверно
И просыпаюсь въ третій разъ.

ЖЕНА.

О пресыщенье, униженье,
И сонъ, отрадный, чудный сонъ
Тебѣ не служитъ въ утѣшенье;
О, какъ ты жалокъ и смѣшонъ.
Вотъ почему ты все худѣешь,
Смотри на что теперь похожъ;
Когда, скажи, ты пополнѣешь?
Ты, право, очень нехорошъ.

МУЖЪ.

Ну, поцѣлуй меня; не всѣмъ же
Толстѣть пришлось, такъ созданъ я.

Но ты мнѣ, другъ мой, платишь тѣмъ же,
Немного ты полнѣй меня. *(Жена дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія).*
Но, душенька, зачѣмъ сердиться?
Я развѣ въ этомъ виноватъ?
И ссориться такъ не годится
По страстной кто любви женатъ.
Хоть я не понималъ сначала
Мечты возвышенной души,
За то теперь все ясно стало,
Изъ мрачной вышелъ я глуши.
Теперь я живо понимаю,
Что значитъ слово: обожать,
И вамъ того же я желаю,
Кто хочетъ чувства возвышать.
О, какъ я радъ, дай руку мама,
Я такъ возвышенно люблю,
Краснѣю самъ теперь отъ сраму,
Что мало я цѣнилъ жену;
Теперь устрою себѣ скоро
Женитьбу также, какъ и всѣ,
И вотъ рѣшенье уговора:
Поэзію отдамъ тебѣ. *(Съ умиленьемъ)*
Ты другомъ будешь и молиться
Къ тебѣ я буду приходить —
Я самъ согласенъ, не годится
Тебя, какъ женщинъ всѣхъ, любить.

ЖЕНА *(съ удивленіемъ).*

Ка̀къ, что̀! Вотъ мило, чудно
Ты, другъ мой, судишь обо всемъ;
Скажи, возможно-ль безразсудно
Шутить такъ клятвой и вѣнцомъ?
Вѣдь, я жена твоя, какую
Еще ты пріобрѣлъ жену?
Оставьте шутку вы пустую,
А то я ссориться начну.

МУЖЪ.

Вѣдь, ты — жена-поэтъ, другая
Простою будетъ, какъ и всѣ;
Ты женщина, но не земная,
Не удивляйся жь въ этомъ мнѣ.
И я согласенъ, эти чувства,
Что въ сердцѣ у тебя горятъ,
Возвышенныя, безъ искусства,
Про нихъ всѣ вдругъ заговорятъ.
И многіе, надѣюсь, скоро
Начнутъ тѣмъ чувствамъ подражать
И вмѣстѣ, дружно, звучнымъ хоромъ
Тѣхъ женщинъ будутъ прославлять.
И я, тобой обвороженный *(съ благоговѣніемъ)*
Приду на вдохновенный зовъ
И чувствомъ райскимъ восторженный
Я вознесусь до облаковъ.

Прощай, подруга неземная,
Къ тебѣ не скоро возвращусь;
Могу-ль врата тревожить рая —
На время на землю спущусь. *(Торжественно уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Жена.

ЖЕНА *(въ ужасѣ).*

О, мужчина! Преступленьемъ
Дѣла исполнены твои
И чьи уста нравоученьемъ
Питали въ дѣтствѣ твои дни.
Какая мать за воспитаньемъ
Слѣдила въ юности твоей?!
И кто безнравственнымъ лобзаньемъ
Исторгнулъ чистоту рѣчей.
Рабою женщина лишь стала,
Какъ прежде не была нигдѣ.
Такъ вотъ что жизнь намъ завѣщала
И мы страдать должны однѣ:
За мигъ пустаго наслажденья
И за признаніе въ любви
На вѣкъ отдаться въ заточенье
И цѣпи волочить однѣ?!..
Но нѣтъ, теперь для насъ открыта

Арена творчества, наукъ,
И навсегда теперь забыто
Дѣвицъ безвыходный недугъ!
Профессорами, докторами,
Хирургами — и что намъ страхъ —
Телеграфистками — все сами —
И разобьемъ мужчинъ мы въ прахъ.
Свободна ты теперь, дѣвица,
Теперь и дѣвственность твоя,
Какъ утра новаго денница
Предшествуетъ сіянью дня.
Иди же смѣлою походкой,
Рукою гордо подбочись
И бракъ теперь ужь не находка
Свободою своей гордись! *(Приходитъ въ задумчивость).*
Мой мужъ съ ума сошелъ ужели!
О, быть не можетъ, шутитъ онъ,
Но шутки эти надоѣли;
Какъ грубъ онъ сердцемъ и смѣшонъ!
Ужели онъ не перестанетъ,
Какъ можно такъ женой шутить,
Что̀-жь онъ любовью называетъ?
Что̀ значитъ истинно любить?
Но если... Боже! вѣдь, мужчины
Всѣ такъ похожи на другихъ —
Исторгни насъ Ты изъ пучины,
И въ чувствахъ подкрѣпи святыхъ. *(Падаетъ на стулъ)*

Становится темнѣе, слышны раскаты грома, молнія сверкаетъ, обхватываетъ пламенемъ комнату; въ огнѣ показывается видѣнье, медленно подвигаясь; жена вскакиваетъ, устремивъ глаза на видѣнье.

ЯВЛЕНІЕ III.

Жена и видѣнье.

ВИДѢНЬЕ.

Не сѣтуй, женщина младая,
Богъ для земли тебя создалъ,
И не ищи ты въ жизни рая —
Людей изъ рая Онъ изгналъ.
Ты на землѣ, мирись съ землею,
Здѣсь счастье также ты найдешь,
Не уносись своей мечтою
Въ седьмое небо — это ложь.
Вкушай земныя наслажденья
Со всею пылкостью души,
Увянетъ цвѣтъ и утѣшенья
Тогда ты въ жизни не ищи.
Умомъ придуманное счастье
Не усладитъ души твоей,
Какъ женщина безсильна властью,
Сильна такъ слабостью своей.
Какъ женщина — я вопрэшаю,
Въ безбрачьи гдѣ ея престолъ
И я одна про это знаю...
Мой опытъ ко всему привелъ.

Смотря на ваше заблужденье,
Эмансипацію, терплю
Одно лишь только униженье,
Сѣдины старости срамлю.
Путемъ безчисленныхъ страданій
Я вамъ любовь въ удѣлъ дала,
Изъ всѣхъ плодовъ и всѣхъ познаній,
Одинъ лишь плодъ я предпочла:
Въ жилищѣ неба, жизни рая,
Гдѣ самъ Господь руководилъ,
И тамъ святыню забывая,
Огонь страстей все поглотилъ.
Пустой лишь страхъ тебя смущаетъ,
Житейскихъ не страшись заботъ,
Разсчетъ любовь уничтожаетъ,
Въ условіяхъ она умретъ.
Тебѣ не скажутъ правды въ жизни,
Смѣяться будутъ надъ тобой
И холодъ ѣдкой укоризны
Сроднится, бѣдная, съ тобой.
Оставь и брось мечты пустыя
И не суши младую грудь,
Дѣли и чувства съ тѣмъ земныя,
Съ кѣмъ ты проходишь жизни путь. *(Уходитъ)*

ЖЕНА.

Кто ты? Вернись.

ВИДѢНЬЕ *(остановясь).*

. . . . Я ма́ть сѣдая,
Надъ мной спятъ тысячи вѣковъ,
Я изгнана была изъ рая,
Начала первыхъ я грѣховъ.
Я первая вамъ указала
Къ земному счастью вѣрный путь
И рай небесъ я промѣняла,
Любовь въ мою проникла грудь.
Забывши небо, я земною
Тогда вдругъ сдѣлалась женой,
И опустился надо мною
Бичъ смерти грозной чередой,
И кратковременнымъ, въ страданьяхъ,
Мой путь начался на землѣ
И въ грустныхъ, страшныхъ ожиданьяхъ
Являлось будущее мнѣ.
Единый грѣхъ и мой предатель
Мнѣ сердце нѣжно оживлялъ,
Одну отраду въ немъ Создатель,
Одно въ немъ счастье не отнялъ
О, я любила; это чувство
Меня мирило здѣсь со зломъ
И я любила безъ искусства,
Гордилась истиннымъ добромъ.
И вотъ людское поколѣнье,
Какъ широ́ко оно росло

И грѣшное мое моленье
То чувство нѣжное спасло.
А вы, свободой увлекаясь *(Жена все болѣе и болѣе приходитъ въ волненіе),*
Забыли женщины удѣлъ,
И новизною соблазняясь,
Вашъ бытъ семейный оскудѣлъ.
Заботъ семьи вы устрашились,
Вамъ сродный честный женскій трудъ,
Вы всѣ на выдумки пустились
И умъ вашъ жаждетъ лишь причудъ.
Я рай земли вамъ указала,
Одну отраду краткихъ дней,
Я вамъ семейный путь избрала,
Любите крѣпче и теплѣй. *(Жена въ отчаяніи падаетъ на стулъ. Видѣніе исчезаетъ).*

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Сцена представляетъ залъ; направо входъ въ спальню, налѣво въ кабинетъ мужа; въ глубинѣ также дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Жена.

ЖЕНА.

Не сонъ ли это? сонъ тревожный,
Надъ мной носился звукъ рѣчей,
Въ любви смѣшной и будто ложной
И въ жизни упрекалъ моей.
Но нѣтъ, не сонъ, видѣнье точно,
Да, мнѣ являлось… помню я,
Въ поступкахъ странныхъ и порочныхъ
Оно винило все меня.
Къ чему же людямъ воспитанье
И вкусъ и красота дана?
Средь эстетическихъ призваній
Ужели цѣль лишь все одна?
И вы, мужчины, объясните:
Зачѣмъ однимъ вамъ власть дана

И что отъ насъ вы всѣ хотите?..
Жена страдать осуждена.
Недѣля скоро, что мужъ скрылся
И я теперь совсѣмъ одна. *(Слышны женскіе голоса и голосъ мужа: «Жена, душа моя». Въ недоумѣніи).*
Что слышу я, мой мужъ явился?!..
Но кто же съ нимъ? Еще жена?
Возможно-ль? женщина чужая
Съ нимъ вмѣстѣ въ домѣ у меня?
А я же кто, кто я такая?
Возможно-ль такъ срамить меня?!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и нѣсколько паръ *(выходятъ, танцуя мимо жены съ припѣвомъ):*

Мы живемъ только разъ,
Время улетаетъ,
Потерять веселый часъ
Сердце запрещаетъ.
И въ объятія любви,
Кинемся душою,
Дни, часы намъ сочтены,
Промелькнутъ стрѣлою. *(Во время пляски и пѣнья недоумѣніе жены доходитъ до высшей степени. Музыка начинаетъ играть мазурку).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и мужъ *(танцуя мазурку съ маской и, протанцовавъ одинъ туръ, увидавъ жену, останавливается съ благоговѣніемъ, подходитъ и низко кланяется).*

ЖЕНА *(оскорбленная).*

Ужь вы явились? Очень скоро.
Покорно васъ благодарю.
Я вамъ не дѣлаю укора,
Съ презрѣніемъ на васъ смотрю;
Но видъ вашъ очень оскорбляетъ.
Я недовольна — вамъ грѣшно.
Васъ это вѣрно забавляетъ?..

МУЖЪ *(поетъ).*

О, небеса! мнѣ суждено
Молиться вамъ; съ благоговѣньемъ
Готовъ я долгъ свой исполнять.
Но въ мясоѣдъ себя говѣньемъ
Я не согласенъ изнурять.

ОДНА ИЗЪ ПРИСУТСТВУЮЩИХЪ *(поетъ).*

Мы жаждемъ всѣ любви, давно,
Давно вопросъ рѣшонный,

И всѣ спѣшимъ мы за одно
На зовъ ея священный.

И еслибъ дали выбирать
Каѳедру иль супруга,
Предоставляю вамъ рѣшать,
Но я взяла бы друга.

За мигъ любви мы отдаемъ
Науки, всѣ искусства,
Одной любви мы только ждемъ,
Живемъ лишь этимъ чувствомъ. *(Хоръ повторяетъ. Всѣ танцуютъ съ припѣвомъ куплета: «Мы живемъ только разъ». Выходятъ. Жена все болѣе и болѣе удивленная).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Жена.

ЖЕНА.

Что съ мужемъ сдѣлалось такое?
Могла-ль предвидѣть я конецъ,
И твой, супружество святое,
Растоптанъ навсегда вѣнецъ.

Но странна мнѣ безпечность въ лицахъ,
Ихъ рѣзвость пляски молодой,
Развязность бойкая въ дѣвицахъ
И блескъ огня въ глазахъ живой
Ужели въ танцахъ все живое
Любви, непонятое мной?
И для меня все роковое —
Рѣшается разгадкой той?..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и мужъ *(выходитъ изъ спальни, держа въ одной рукѣ подушку, и въ другой лампаду и, останавливаясь предъ женой, низко кланяется).*

МУЖЪ.

Богъ, не оставь Ты жонъ святѣйшихъ,
Но и прости земныхъ мужей,
И въ чувствахъ подкрѣпи живѣйшихъ
Простыхъ и грѣшныхъ Ты людей.
Пошли имъ дни и долги ночи
Въ объятьяхъ пламенныхъ подругъ
И пусть горятъ огнемъ ихъ очи
И не томитъ ихъ злой недугъ.
О, какъ отрадны женщинъ ласки,
И кто изъ насъ не испыталъ,

Кто не смотрѣлъ на эти глазки,
Не даромъ ихъ Господь создалъ!
Прощай подруга неземная
И мнѣ пора ужь отдыхать,
И тотъ, кто не достоинъ рая,
Не можетъ землю презирать.

ЖЕНА.

Вы не хотите жить со мною?
Недѣля скоро, что васъ нѣтъ.

МУЖЪ.

Жить въ небесахъ съ своей женою,
Когда лишь двадцать только лѣтъ...

ЖЕНА *(съ нетерпѣніемъ).*

Какое могутъ отношенья
Жена и небеса имѣть

МУЖЪ *(съ насмѣшкой).*

На васъ, богиня, со смиреньемъ,
Какъ смертный долженъ я смотрѣть. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Жена.

ЖЕНА.

Съ ума сошолъ, совсѣмъ рехнулся,
Кто могъ въ немъ предполагать...
И каждый вѣрно-бъ изумился,
Глядя, какъ я должна страдать.
Досадно мнѣ; какъ ни старалась,
Но не могла я разсмотрѣть
Свою соперницу. Казалось,
Мнѣ бъ нечего о томъ жалѣть,
Но все какъ будто любопытство
Меня хотѣло соблазнить
И я за грубое безстыдство
Имъ постараюсь отомстить. *(Смотритъ въ окно и съ ревностью).*
Ахъ, Боже мой, какъ онъ спокоенъ!
И съ ней онъ ласковъ, какъ съ женой!
Такъ вотъ какихъ ты жонъ достоинъ
И вотъ мужчинъ союзъ святой!
Къ чему же съ полнымъ обольщеньемъ,
Во всемъ мы измѣненій ждемъ,
Бросаемъ платье съ небреженьемъ
И косы рѣжемъ и стрижемъ?

Къ чему же намъ программой счастья
Вмѣняется научный міръ
И на приманку самовластья
Мы смотримъ всѣ, какъ на кумиръ?!..
Такой холодности не въ силахъ,
Я не могу переносить,
И отъ нея кровь стынетъ въ жилахъ,
Какъ могъ меня онъ разлюбить.
Надъ нами или вѣкъ глумится
И мы идемъ другимъ путемъ,
Хотимъ свободы мы добиться,
Но счастья не находимъ въ томъ.
Рѣшеньемъ ранѣе предвзятымъ
Стремясь мужчинамъ отомстить,
А видя мужа виноватымъ,
Ему готовы все простить.
Меня съ насмѣшкой онъ бросаетъ,
Въ глаза смѣется прямо мнѣ,
Предъ цѣлымъ свѣтомъ не скрываетъ
Позоръ, безчестіе женѣ.
Ужель красу всѣмъ раздавая,
Одну меня Богъ обдѣлилъ,
И женскимъ станомъ надѣляя,
Ни чей онъ взоръ не ослѣпилъ
Я всѣхъ соперницъ вызываю,
Чей взоръ опаснѣй и милѣй,
И всѣхъ рѣшать я приглашаю,
Чья грудь полнѣе и пышнѣй?
Обворожительнымъ движеньемъ
Могу въ груди любовь зажечь

И нѣжной ласки обольщеньемъ
Могу весь міръ къ себѣ привлечь. *(Танцуетъ вторую фигуру кадриля; мужъ смотритъ въ окно. Услыхавъ шаги мужа).*

Прочь ревности лишь заблужденье,
Мы не для танцевъ рождены,
Вопросы большаго значенья
Рѣшать мы здѣсь приглашены.
И мы докажемъ, не измѣнимъ
Призванью женщинъ на землѣ,
Вѣнецъ мы мудрости надѣнемъ
Въ сіяньи славы на челѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и мужъ.

ЖЕНА *(со скрытою ревностью).*

Благодарю васъ, какъ вы честны.
Какъ выборъ милъ вашъ и хорошъ.
Вамъ женщины лишь тѣ прелестны,
Чей нравъ ужь никуда не гожъ!..

МУЖЪ *(удивленный).*

Какъ! вамъ не все равно, съ землею
Вы заключить хотите миръ?!..
Какъ, вы небесною звѣздою
Ужь не возноситесь въ эѳиръ?!

ЖЕНА *(стараясь быть простосердечною).*

Вамъ упрекать меня не стыдно?
Я васъ не узнаю совсѣмъ.

МУЖЪ.

Что слышу я, какъ вамъ обидно?!
И я не знаю гдѣ, предъ кѣмъ
Теперь стою я: предъ женою
Иль предъ архангеломъ небесъ!
Могу-ль коснуться я рукою,
Чтобъ не обидѣлся Зевесъ?!

ЖЕНА *(протягивая руку).*

Чего хотите вы касаться?

МУЖЪ.

Касаться? Боже, какъ радъ,
Готовъ слезами обливаться
Могу-ль при васъ надѣть халатъ?

ЖЕНА.

Прошу такъ грубо не смѣяться. *(Въ сторону)*
О, Боже мой, какъ тяжело;
Возможно ли такъ издѣваться,
Какъ сильно вкоренилось зло!

МУЖЪ *(надѣвая халатъ).*

Мнѣ воздаютъ благодѣянья. *(Женѣ)*
За что, скажите, чѣмъ могу
Я вымолить у васъ признанье?

ЖЕНА.

Ни слова.

МУЖЪ.

Я спросить хочу,
Смотрѣла-ль ты, мой другъ, въ окошко?

ЖЕНА *(въ порывѣ ревности).*

На васъ съ презрѣніемъ смотрю.

МУЖЪ *(беретъ за руку).*

Но, другъ мой, ангелъ милый, крошка,

Лишь объ одномъ тебя спрошу...
Какъ маски нравится вамъ ножка?..

ЖЕНА *(вырывая руку).*

Я вамъ все больше удивляюсь,
Надъ вами отъ души смѣюсь.

МУЖЪ *(просто).*

Моей сестрой ты любовалась,
Ея красой, какъ братъ, горжусь.

ЖЕНА.

Сестрой?! Она сестра, сестра, ужели?
Прости меня, вѣдь, любишь ты?
Ты только такъ, не въ самомъ дѣлѣ.

МУЖЪ *(притворно).*

А что, скажи, и въ чемъ же дѣло,
Не понимаю я тебя.

ЖЕНА *(притворно).*

Я такъ спросить тебя хотѣла,
Сомнѣнье вышло, такъ шутя.

МУЖЪ.

Люблю тебя я безъ сомнѣнья,
Ты всѣхъ дороже и милѣй,
И всѣ минуты, сновидѣнья
Я посвятилъ красѣ твоей.
Напрасно страхъ тебя смущаетъ
И умъ твой сердце холодитъ,
Тотъ, кто любовь самъ отвергаетъ.
Тотъ счастью своему вредитъ.

При той же обстановкѣ видѣнье является. Жена въ страхѣ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и видѣнье.

ВИДѢНЬЕ.

Я рай земли вамъ указала,
Одну отраду краткихъ дней,
Я вамъ семейный путь избрала,
Любите крѣпче и теплѣй. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и танцующіе *(входятъ. Жена бросается въ объятія мужа, хоръ поетъ: «Мы живемъ только разъ» и одна изъ танцующихъ поетъ куплетъ).*

Мы жаждемъ всѣ любви давно,
Давно вопросъ рѣшонный
И всѣ спѣшимъ мы заодно
На зовъ ея священный.
Когда бъ пришлось намъ выбирать,
Каѳедру или супруга,
Предоставляю вамъ рѣшить,
Но я взяла бы друга.

Петергофъ, 16-го декабря 1871 г.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница:	*Строка:*		*Напечатано:*	*Должно быть:*
5	6	снизу	цвѣтовъ,	цвѣтокъ
24	1	сверху	прочтешь	прочтешь:
—	7	»	чужимъ,	чужимъ.
31	11	снизу	Есть Божья	Есть Божія
41	8	»	денежка —	денежки —
46	10	»	догоралъ.	догорѣлъ.
112	1	»	ты	ихъ
163	1	»	Тебя люблю	Тебя я люблю

Цѣна 2 рубля.

